

Лилу Деймон

НИАЧОМ И АБАФСЁМ

Сказки без названия

Лилу Деймон

**Ниачом и абафсём.
Сказки без названия**

«Издательские решения»

Деймон Л.

Ничом и абафсём. Сказки без названия / Л. Деймон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837122-6

Короткие истории, волшебные и не очень. Принцессы здесь не ждут принцев, а счастливо живут с Драконами. У Путешественников есть крылья, и они могут все, если захотят. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-837122-6

© Деймон Л.
© Издательские решения

Содержание

Бабушка Ану и тетушка Дэй	7
О Принцессах и Драконах	11
Иван Иванович	43
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ничом и абафсём Сказки без названия

Лилу Деймон

Моим котам посвящается

Иллюстратор Наталия Алешкина

Иллюстратор Татьяна Землякова

© Лилу Деймон, 2019

© Наталия Алешкина, иллюстрации, 2019

© Татьяна Землякова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-7122-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабушка Ану и тетушка Дэй

9 эпизодов

1

Бабушка Ану каждый вечер сидела на перекрестке трех дорог, раздавая яблоки. Люди, поначалу смущавшиеся, привыкли. Перестали предлагать монеты, просто брали яблоки из морщинистых когтистых рук бабушки и уходили по своим делам. Бабушка Ану ворчала, яблоко нужно надкусить, чтобы почувствовать счастье. Яблоки были кислые, твердые и зеленые. Никто не осмеливался возражать бабушке Ану. Кусали, украдкой сплевывали и шли дальше.

Однажды бабушка Ану принялась умирать. Она позвала свою подругу тетушку Дэй и приказала ей развезть себя над водоемом. Тетушка Дэй пожала плечами и надкусила яблоко. Они с бабушкой Ану тогда здорово поругались.

А я лежал в кровати и ловил обойных монстров. Они прятались в полосах и цветочных орнаментах.

2

Однажды бабушка Ану и тетушка Дэй решили поменяться местами. Они пекли пирог, спорили, класть в вишни косточки или не класть, а потом решили. Если б ты была на моем месте, ворчала бабушка Ану, ты бы клала. А я бы не клала, отвечала тетушка Дэй. Тебя бы на мое место, старая дура, отвечала бабушка Ану. А тебя бы на мое, не менее ты старая и не более дура, отвечала тетушка Дэй. Давай поменяемся, предложила бабушка Ану. С удовольствием, согласилась тетушка Дэй. И они поменялись. Ну что, голосом тетушки Дэй спросила бабушка Ану. Ничего, голосом бабушки Ану ответила тетушка Дэй. Пойдем, спросим его, предложила бабушка Ану. Чего его спрашивать, хмыкнула тетушка Дэй, ему и так хорошо спится. Вот он с утра удивится.

Я не спал и все слышал. Но с утра удивился. Не хотел их огорчать.

3

Бабушка Ану с тетушкой Дэй грелись глинтвейном из больших кружек и смеялись, можно ли начать жизнь сначала. Бабушка Ану говорила, что можно прыгать из мира в мир, главное, не строить укреплений, а тетушка Дэй утверждала, в укреплениях сила, и они возникают, как только ты в мир пришел. Тогда бабушка Ану сказала, нужно выйти и спросить кого-нибудь. Тетушка Дэй ответила, лучше бы приготовить еще глинтвейна. Бабушка Ану высунула пальцы ног в форточку и согласилась. Тетушка Дэй подумала немного и сказала, что когда у нее был герой, то плевать она хотела на всякие там укрепления. Вот, улыбнулась бабушка Ану и пошла варить глинтвейн. Тетушка Дэй подбросила дров в камин и подмигнула мне.

Я лежал у камина, ощущая пистолет в кармане, меч в ножнах, три ножа за пазухой и чесал kota за ухом. Мне было тепло и неудобно. Я чувствовал себя героем.

4

Однажды я пришел из школы раньше и застал бабушку Ану с тетушкой Дэй за странным занятием. Бабушка Ану плела веревку, а тетушка Дэй точила косу и приговаривала, будь ты, коса, как сестра костра. А мне в школе выдали разноцветную бумажку с информацией, скажи, дома заполнить и принести через пару дней. Бумажку я потерял, пока шел домой. Ты почему такой грустный, спросила бабушка Ану, примеривая веревку к моей шее. Потому что жизнь полна трудностей и потерь, ответила за меня тетушка Дэй. Вот и разберись с ней, при-

казала бабушка Ану, крутя веревку на манер лассо. Тетушка Дэй взмахнула косой, и веревка осыпалась к ее ногам. Понял, улыбнулась бабушка Ану. Не поручусь, с сомнением покачала головой тетушка Дэй. И мы пошли пить чай. С баранками.

5

Ночью мне приснился бог. Сказал, наблюдает. Я ответил, что теперь стесняюсь ходить в туалет, проснулся, вылез из-под одеяла и пошел искать бабушку Ану и тетушку Дэй. Бабушка Ану ловила тараканов в большую стеклянную банку, а тетушка Дэй вплетала их судьбы в морские узлы. Я рассказал им про свой сон, бога и туалет. Бабушка Ану выпустила тараканов из банки и попросила меня присмотреть за ними до утра. Тетушка Дэй добавила что-то про образ с подобием и стала развязывать узлы. Наблюдать за тараканами было сложно и совсем не весело. Я посадил их обратно в банку, вынес на улицу и выпустил в траву. Там было безопасно, бабушка Ану никому не разрешала эту траву трогать. Она ее курила для собственного удовольствия. Потом я пошел в туалет и зачем-то там уснул.

6

Однажды я решил убежать из дома. Победить встреченных на пути врагов, найти сокровища, сделаться справедливым королем и вернуться озаренным лучами славы. Бабушка Ану достала с чердака большой мешок и сказала, что соберет в дорогу самое необходимое. Она положила туда сухари, мышеловку, бутылку с горючей жидкостью коробок спичек, пластырь, футбольный мяч, веревку, два куска мыла, свежесвязанные носки, зонтик, прадедушкину саблю, подсвечник и подушку-думку. Я взвалил мешок на спину и попытался сохранить равновесие. Бабушка Ану посоветовала постоять у двери и привыкнуть к героической ноше. Я стоял, пока не пришла тетушка Дэй. Она принесла старые карты и сказала, без них в путешествие нельзя, а уж в побег и подавно. Я рухнул и лежал, придавленный мешком, пока друг не пригласил меня на день рождения. Я пошел. Содержимое мешка растерял по дороге. Когда вернулся, тетушка Дэй и бабушка Ану играли в эти самые старинные карты. Тогда я дал себе слово, правда, какое, забыл.

7

Однажды Бабушка Ану и тетушка Дэй пошли на кладбище навестить друзей, а меня не взяли. Мне было скучно и я подумал, неплохо бы умереть. Убрал кровать, взбил подушку, поправил одеяло, чтобы оно ровное было и стал ждать смерти. Вместо нее пришел кот. Он сказал что-то, а я дернул его за хвост. Ему не понравилось, и он спросил, хочешь узнать, что они там делают. Конечно, хочу, ответил я, и мы пошли. На кладбище было сыро, плиты, дождь и много разных покойных лиц. У кота намokли лапы, у меня ботинки. Мы стояли и не знали, куда. Пришлось идти домой. Дома бабушка Ану налила коту молока, а тетушка Дэй чай с медом. Мне дали кота. Погладить. С тех пор я не люблю смерть.

8

Однажды бабушка Ану и тетушка Дэй перестали разговаривать друг с другом. Они заперлись в разных комнатах, а меня оставили на нейтральной территории с котом. На следующий день приехали дальние родственницы. Девица Поц к бабушке Ану, мадемуазель Кац к тетушке Дэй.

Прекратите шуметь, стучала в стену девица Поц, бабушка Ану играет на клавишине! Тетушка Дэй отрабатывает чечеточную партию, отвечала мадемуазель Кац.

Сталкиваясь в отхожем месте с девицей Поц, мадемуазель Кац делала убийственный реверанс. Девица Поц в ответ исполняла тройное сальто.

Вечерами девица Поц и мадемуазель Кац по очереди приходили пожелать мне спокойной ночи. Они жаловались на скверный характер бабушки Ану и тетушки Дэй, просили передать, как они их любят. Потом девица Поц целовала меня в лоб и оставляла мятные конфеты. Мадемуазель Кац жала руку и дарила шоколадку.

Совсем плохая стала, сетовала девица Поц, отправляя на помойку любимый кальян бабушки Ану.

Ей нужна любовь и хороший уход, напевала мадемуазель Кац, лелея в ладони горсть разноцветных таблеток.

Ты должен выбрать, на чьей ты стороне, шептала девица Поц, провожая меня в школу.

Лишь я и тетушка Дэй любим тебя по-настоящему, хищно улыбалась мадемуазель Кац.

Бабушка Ану с тетушкой Дэй так и не разговаривали.

Я хотел спросить у них почему, но стеснялся. Тем более, кот посоветовал молчать.

Как-то очень ранним утром мадемуазель Кац наступила на хвост девице Поц. Началась паника, крики и беготня. Мы с котом спрятались под стол. Оттуда было хорошо видно. На шум вышли бабушка Ану и тетушка Дэй.

Терпеть не могу раннее утро, зевнула бабушка Ану, превращая мадемуазель Кац в вешалку для одежды.

Отвратительно, согласилась тетушка Дэй.

Девица Поц обернулась туалетным ершиком и покатилась под буфет.

Она мне никогда не нравилась, пожала плечами бабушка Ану.

Не помешает сварить глинтвейн, проворчала тетушка Дэй.

Вы снова разговариваете, обрадовался я и вылез из-под стола.

Они сказали, что подслушивать нехорошо и отправили в школу. Кот вышел меня проводить. Теперь ты понял, спросил он. Ага, соврал я. Ведьмы никогда не ссорятся всерьез, это только так кажется. Их слишком мало на свете, объяснил кот. Я сказал, что это хорошо, конечно, но теперь я смотреть не могу на шоколад и мятные конфеты.

9

Однажды я пришел из школы с одноклассницей Лизой. Она до смерти мечтала отведать пирогов тетушки Дэй, погладить котов бабушки Ану, к тому же, учительница попросила ее помочь мне с заданием по математике.

Бабушка Ану с тетушкой Дэй сидели у камина и попивали глинтвейн, вяло переругиваясь. Лиза заметила, какие они милые старушки, присела в реверансе и поинтересовалась начинкой для пирогов. Бабушка Ану ответила, что ее съели коты, а тетушка Дэй посоветовала не расстраиваться по столь ничтожному поводу. Пирог ведь остался и их можно выпить с чаем. А самое вкусное всегда достается кому-то другому.

Лиза обиделась и сказала, что у нее дома самое вкусное всегда достается ей. Потому у вас и нет котов, посочувствовала тетушка Дэй и добавила, что математика сама себя не делает. Даже не надейтесь. Особенно после того случая. Ты помнишь, Ану? Такое не забудешь, подтвердила бабушка Ану.

Я хотел побыстрее закончить с математикой и пойти на речку. Только Лиза решила следить за бабушкой Ану и тетушкой Дэй, чтобы понять, почему они такие странные. Я сказал, ничего интересного они не делают. Ни дома, ни на кладбище. И попросил ее дать мне списать эту чертову математику.

Лиза стукнула меня учебником по голове, обозвала дураком и убежала домой. Я ничего не понял и пошел просить совета у бабушки Ану и тетушки Дэй.

Когда ничего не понимаешь, найди кота и погладь, сказала бабушка Ану. Обязательно поможет, заверила тетушка Дэй.

Кота я в тот день так и не нашел. Математику тоже не сделал. Я пошел на речку нырять с моста. Лиза зачем-то пряталась в кустах и следила, как я прыгаю. Наверное, хотела извиниться за дурака и дать списать математику, но стеснялась.

О Принцессах и Драконах

24 эпизода

1

Ночь повисла над старым замком, и лишь в башне, на самом верху, горел огонек. Принцесса раздраженно ходила по комнате из угла в угол, нервно шепча:

– Нет, это просто невозможно, невозможно...

Она пнула ногой стоящий у стены кованный сундук с приданным и громко выругалась, отчего у молоденькой фрейлины, подслушивающей за дверьми покоев, покраснели уши, а в палец впиалась вышивальная игла. От боли она взвизгнула, в ту же секунду дверь распахнулась, и на пороге появилась Принцесса, злая, как дьявол.

– Какого черта?! Дракон прилетел?! Давно?!

– Прилетел, Ваше Высочество, – залепетала фрейлина, – у замковых ворот с войском беседу проводит.

– Одурела совсем? – накинулась на нее Принцесса. – Какое войско? Ночь уже глубокая.

– Так он, когда летел, заметил, что часовые на посту спят беспробудным сном, – ответила фрейлина, пытаясь без особого успеха избавиться от иглы, – рассердился очень, грозил зажарить заживо. Потом передумал. Стражу дворцовую всю построил в ряды и теперь вот лекцию читает, второй час скоро. А они уже с ног валяются, вы ведь Дракона знаете, он если в монолог вошел, не остановишь. Может, повлияете? А то вдруг уволятся со службы? Все сразу. Останемся мы без защиты, ну и это... – она смутилась, покраснела и прошептала, – без мужиков. Вот.

Принцесса усмехнулась, взяла фрейлину за руку и резко выдернула из пальца иглу. Та благодарно охнула.

– Еще будешь подслушивать, – ласково сказала Принцесса, – мужики больше не понадобятся. Я тебе этой иглой все отверстия зашью. Поняла? Крест на крест.

Фрейлина послушно кивнула.

– Свободна, – махнула рукой Принцесса, и фрейлина потрусилась в девичью.

Принцесса вышла из замка и увидела мирно спящего Дракона, перед которым стояли, пошатываясь от усталости и возлияний, дворцовые стражники. Увидав Принцессу, они радостно заулыбались, предчувствуя скорое освобождение. Принцесса, игнорируя умоляющие взгляды, подошла к спящему Дракону и нежно погладила по шипастой голове. Потом достала из кармана вышивальную иглу и вонзила ему в шею.

Дракон взмыл в небо, пугая робкие звезды и изрыгая огненные проклятья. Стражники в ужасе разбежались. Принцесса села на землю и задумчиво скрутила джойнт.

– Между прочим, больно, – проворчал Дракон.

Он приземлился рядом и заглянул ей в глаза.

– Что случилось?

– Да ничего, – ответила Принцесса. – Покурить захотелось, а спичек нет. У тебя огоньку не найдется?

– Шутить изволите, понятно, – Дракон чиркнул когтем, высек огонь и с поклоном поднес Принцессе.

– Благодарю, – она затянулась и выдохнула в ночное небо сладкий дым. – Я три дня жду, почему ты никогда не говоришь точно, когда прилетишь?

– Обманывать не хочу, – ответил Дракон. – Вдруг по дороге где-нибудь застряну, погреба, да по грибы, знаешь мои слабости. Не прибуду вовремя, ты меня на цепь посадишь.

– Могу, – кивнула Принцесса.

– А надо? – спросил Дракон. – Толку от меня на цепи никакого, зачахну. А вы без сказок и душевных разговоров останетесь, ваше высочество.

– Да знаю я, – раздраженно бросила Принцесса.

Она помолчала немного, повернулась к Дракону и прошептала:

– Скучала я, сказку хочу. Со счастливым концом. Волшебную. А ты со стражниками беседы ведешь, змей бесчувственный.

– Это уже претензии к Его Высочеству, – ответил Дракон, – никакого порядка, распустил людей. Он чем занят, вообще?

– Чем принцам и положено, – фыркнула Принцесса. – Охота, балы, рауты светские, возлияния, в промежутках казну пересчитывает. Несметную.

Дракон пробормотал что-то похожее на «мудак», а Принцесса сделала вид, будто не слышала.

– Ладно, – сказал Дракон, – я тебе такую сказку сейчас расскажу. Сам видел, наблюдал лично. Потому и задержался.

– Давай, – улыбнулась Принцесса. – Ты прости меня, я такая сука бываю.

Она обняла Дракона за шею и приготовилась слушать.

– В заколдованном лесу, на берегу бездонного черного озера жила ведьма. Очень красивая и злая.

– Красивее меня? – перебила Принцесса

– Не могу даже сравнивать, – быстро ответил Дракон, – у вас абсолютно разные типажи.

– Лысая, – улыбнулась Принцесса. – Продолжай.

– Она ненавидела мужчин. Всех без исключения. Потому что давным давно, когда она еще была обычной юной и наивной девушкой, один мужчина жестоко предал ее и разбил ей сердце.

– Вот гад! – воскликнула Принцесса. – На кол таких сажать! Возвратится Его Высочество с оргии, обязательно попрошу указ издать специальный. Чтобы всех, кто наивных девушек обижает, на кол сажать.

– Колов не хватит, – съехидничал Дракон. – Хватит перебивать, а то до утра не закончу. Мне еще в гнездо надо, яйца проверить.

– Какие еще яйца? – удивилась Принцесса.

– Да... – замылся Дракон, – подкинули. Драконица-кукушка. Пролетала мимо, видит, ухоженное гнездо, жилое, не пропадут. И подкинула. А мне жалко их стало. Взял. Правда, некогда мне, но проверяю регулярно.

– Ты добрый, – вздохнула Принцесса.

– Никому не говори. Хватит, еще раз перебеешь, улечу! – пригрозил Дракон.

Принцесса послушно кивнула.

– Всем известно, что красивые девушки с разбитым сердцем превращаются в ведьм для того, чтобы мстить всем мужчинам на свете, – продолжал Дракон. – Наша ведьма именно так и делала. Лунными ночами она расчесывала свои длинные, черные, как бездонные глубины озера, волосы и пела самую прекрасную песню на свете. Иногда она танцевала при свете звезд, ее совершенное тело...

– Хватит уже! – сердито крикнула Принцесса.

– Без подробностей нельзя, иначе получится краткое содержание. В двух словах. Хочешь? – возмутился Дракон.

– А ты поменьше ТАКИХ подробностей, мне неинтересно, – поджала губы Принцесса. – Я совершенное тело каждый день в зеркало наблюдаю.

– Каким счастливым, однако, должно быть это зеркало, – игриво подмигнул Дракон.

Принцесса кокетливым жестом поправила прическу.

– До утра не закончим, чувствую, – вздохнул Дракон. – Заманивала ведьма мужиков красотой своей колдовской и песнями сладкими. Представь, спит себе человек спокойно или не очень в теплой кровати и сквозь сон песню слышит. И такая на него накатывает тоска, что бежать хочется вон из дома, в леса, поля, куда там еще? За горизонты, в общем. Это ведьма зазывала, заманивала. Вот несется бедолага на зов, дороги не разбирая, деревья его ветками по морде хлещут, репы в волосы впиваются, колючки в ноги, вдруг, раз! и на поляну вышел. А там лунный свет, туман над озером, а на листе кувшинки распутной ведьма сидит. И выглядит так, что кувшинка институткой кажется. Понятно, у мужика башню сносит напрочь. Смотрит на нее, одурев от счастья, а ведьма улыбается и манит к себе. В глазах ее обещание неземного удовольствия, – он покосился на притихшую Принцессу. – Не буду утомлять ненужными подробностями. Мужик идет, что ему делать то еще? Прямоком в озеро, пешком. Оно не зря бездонным называется. Много их там полегло.

Дракон помолчал немного. Принцесса скрутила еще один джойнт.

– Ну и что дальше? – спросила Принцесса, выдохнув колечко ароматного дыма.

– Время шло, – отвечал Дракон, – ведьма устала. Она разочаровалась. У нее же было сердце, хоть и разбитое. И в самом его уголке пряталась мечта. От всех пряталась, даже от самой ведьмы.

– Ясно! – не удержалась Принцесса. – Она ведь женщина, хоть и ведьма. У меня тоже была мечта, прекрасного принца на белом коне встретить.

– Так ведь сбылось, – откликнулся Дракон.

– Угу... – нахмурилась принцесса. – Только порой не понятно, где конь, а где принц.

– Ведьма перестала петь свои песни, она даже хотела утопиться в бездонном черном озере, но перспектива гнить вперемешку с останками загубленных ею мужиков не позволила этому свершиться. Теперь она просто сидела на берегу, равнодушно глядя на мертвую озерную гладь. Жители окрестных поселений отныне могли спать спокойно и не ломать голову над причиной стремительного уменьшения мужского поголовья. Прекратилось.

– То есть, она Его так и не встретила? – в глазах Принцессы стояли слезы. – Не буду я больше слушать твои сказки!

Она вскочила на ноги и в ярости растоптала каблуком недокуренный джойнт.

– Сядь! – проревел Дракон. – Я тебе сейчас рот заклею! Просил же, не перебивай!

Принцесса послушалась.

– Встретила, встретила, – уже мягче сказал Дракон. – Однажды она в гости отправилась на другой конец леса. К знакомым змеям. Поболтать по-женски, посплетничать. Молчи! – не глядя на Принцессу приказал Дракон. – А в это время на берег озера пришел Он.

– Ах... – сказала тихо Принцесса и тут же зажала рот ладонью, невинными глазами взглянув на Дракона.

– Обойдемся без ненужных описаний, они тебе все равно неинтересны.

– Очень даже интересны, – возразила Принцесса с лукавой улыбкой, – расскажи, какой он.

– Какой-какой, – проворчал Дракон, – нормальный, всё при нем.

– Принц? – спросила Принцесса.

– Нет, не принц. Великий воин. Полмира завоевал. Империи в прах повергал. Непобедимые. Самые красивые женщины у его ног мечтали прилечь хотя бы. Враги трусливо дрожали при упоминании одного его имени. Но все золото мира, женщины и власть не приносили ему счастья. Сердце его оставалось холодным.

– Ух ты! – восхитилась Принцесса. – Какой мужчина!

Дракон пропустил ее реплику мимо ушей и продолжал:

– Возвращается ведьма домой и что же видит? Сидит на берегу гость непрощенный, от подвигов отдыхает. Змеи ее ядом угостили, вот она и решила за старое приняться. Волосы распустила, на лист кувшинки села, песню свою запела колдовскую.

– Погубила, – расстроилась Принцесса.

– Нет, – ответил Дракон, – полюбила. Потому что не кинулся он в омуты бездонные, не завыл у ее ног, не умолял и не унижался. Он в глаза ей взглянул и пошел лес валить.

– Зачем?

– Плот делать. А ты что подумала?

– Да так, – отмахнулась Принцесса. – Давай уже, не тяни, что там дальше?

– Ничего, – сказал Дракон. – Взял он ее на руки и увез. Она и не сопротивлялась. Потому что мечтала о нем всегда. Вот о таком.

– Куда увез-то? Говори толком!

– На обратную сторону Луны, – Дракон указал на небо. – Они только вдвоем быть хотели. Никто им не был нужен. Там и живут.

– Хорошо живут? – спросила Принцесса.

– Откуда я знаю? Не спрашивал.

– Так слетай да посмотри, – предложила Принцесса, – интересно ведь.

– Далековато, – прищурился на Луну Дракон, – и неудобно без приглашения. А еще опасно. Для жизни. Я рисковать не могу. Меня яйца в гнезде уже неделю дожидаются.

– Знаешь, – тихо сказала Принцесса, – я ведь не о Принце мечтала.

– Вам по статусу Принц полагается, – утешил ее Дракон, – так что, все правильно.

Он улетел.

Принцесса еще долго курила, задумчиво глядя на Луну.

2

– Пошли вы все! Ненавижу! Задыхаюсь в этом чертовом склепе! – кричала Принцесса, разбивая очередные хрустали об пол.

– Он опять не прилетел? – поинтересовался Принц, лениво поглаживая фрейлину пониже спины.

– Да что вы вообще знаете?! – Принцесса с размаху стукнула кулаком каменную стену замка. Та застонала, но выдержала.

– Семейные ссоры, – протянул Принц, – ради сладкого примирения делаются.

Он подмигнул зардевшейся фрейлине. Та поспешила спрятать штопальные иглы и вязальные спицы, во избежание.

– Я ухожу, – спокойно сказала Принцесса, дрожащими пальцами скручивая джойнт.

– Надолго? – откликнулся Принц.

– Навсегда.

– Вы, наверное, забыли, Ваше Высочество, – отвесил шуточный поклон Принц, – не все так просто. Вы знаете законы. Если Принцесса уходит от Принца, она становится обычной. Замарашкой, золушкой, посудомойкой, кем угодно. Но Принцессой уже никогда. Готовы?

– Да плевать! – недобро ухмыльнулась Принцесса. – Главное себе не врать.

– Не пойму, отчего вам не живется? – пожал плечами Принц. – Смотрите! – он схватил Принцессу за руку и дернул к окну. – Смотрите! Это все ваше! Ваше! Понимаете?! Что еще нужно?!

– Предел, – вздохнула фрейлина и упала в обморок.

– А она настоящая принцесса, – заметила Принцесса. – В обмороки валится, как по учебнику. Хотите, я ей корону отдам?

– Простолюдинке? – вскинул брови Принц. – С ума не сходите. Уважайте мой статус, пожалуйста. Хотя, свой вы потеряли, увы. Я прощаю, если что. Дверь приоткрытой оставлю.

Он вышел вон, унося на плече сомлевшее фрейлиново тело.

– Дракооооон! – беззвучно завывла Принцесса. – Где ты?!

– Мы не можем, боимся, – пищали недовылупившиеся яйца, – принеси поесть, а? Ты же нас любишь, правда?

– Ребят, – ответил Дракон, – вы уж определитесь. Или вылупляйтесь, или залупляйтесь обратно.

– Кошмар! – заверещали яйца. – Он не любит нас, он ставит нас перед выбором, а оно нам надо?! Нам оно вредно, мы маленькие, беспомощные и вообще! Дай ему волю, омлет справит из наших недовылупившихся телес. Нам нужно время.

– Сколько?

– Вечность, милый, – ухмыльнулись яйца. – Поесть не забудь принести. Пшол! Вернее, мы любим тебя!

– Ваше Высочество, – дворцовый стражник умоляюще заглядывал в глаза Принцессе, – ну куда же вы? Среди ночи, да в леса. Темно, волки, мало ли какие опасности? Разбойники, к примеру, житъя нет от них совсем. Пожалуйста, одумайтесь.

Принцесса одарила его тяжелым, словно могильная плита, взглядом.

– Эй, товарищ, проходи, эй, пока не получил, – мрачно проговорила она.

– Ваше Высочество, – шептал, упавая на колени стражник, – не погубите. Меня супруг ваш дражайший на кол посадит, колесует, четвертует, к позорному столбу прикует, а у меня жена, детишки. Не велено отпускать. Проявите сострадание.

– После кола тебе уже все равно будет, – сурово сказала Принцесса, вытаскивая из-за пояса кинжал. – Присягу давал? Что на войне убивают, в курсе?

– Так ведь, – проблеял стражник, – не война.

– Это кому как, – ответила Принцесса. – Жить хочешь? Вот и подумай.

Стражнику понадобилось немного времени, чтобы принять решение. Он позволил Принцессе уйти. А сам бросил пост, ворчливую жену и ушел к разбойникам, с которыми его давно связывали прочные торгово-денежные отношения. Про детишек наврал, кстати.

Дракон возвращался в гнездо, исполненный невеселых дум о родительском долге. В когтях его болталась корова, оглашая окрестности тоскливым мычанием.

– Я плохой отец, – бормотал Дракон в такт унылым взмахам крыльев.

Вдали показалось гнездо. От неожиданности он чуть не уронил корову.

В гнезде резвились толстые гусеницеобразные создания. На спине у них болтались крылышки, бледные, пупырчатые, как у охлажденных бройлеров. Создания так громко и радостно верещали, что Дракон без труда услышал про «без лоха и жизнь плоха».

От драконьего рыка вздрогнули звезды. Странные существа стремительно уменьшились в размерах и забрались в свои скорлупы.

Дракон уложил потерявшую сознание корову на землю и с недоброй улыбкой взглянул на дрожащие в гнезде яйца.

– Драконья пиявка, – вкрадчиво шепнул он, – как я сразу не догадался.

– Тебе показалось, – пискнули яйца, – устал, вот и мерещится. Кушать очень хочется, кстати.

– Молчать! – рявкнул Дракон, листая энциклопедию. – Тут все доходчиво написано, даже нарисовано. Драконья пиявка, класс сосущие, отряд паразиты. Обычно маскируется, выдавая себя за драконье яйцо. Живут колониями, высасывают у Драконов всю любовь к жизни и приключениям. Уничтожению не поддаются.

Дракон захлопнул книгу.

– Знание – сила, все таки.

– Сволочь неблагодарная, – обиделись яйца и заплакали жалобно.

– Прощевайте, – сухо кивнул им Дракон, взмывая в ночное небо.

Вслед ему неслись стоны и слезливые проклятья, но он их не слышал. Он летел на Зов.

– Я тебе другого Принца найду, – шептал Дракон Принцессе. – Ты не расстраивайся только. Подумаешь, с этим не получилось, мало ли их еще землю топчет, Принцев. Построю башню, замок, будешь В Ожидании Принца На Белом Коне, как раньше, только лучше.

– Ты со своими яйцами отупел вконец, – вздохнула Принцесса. – Не хочу я принцев, да и не хотела никогда по-настоящему. Я по-другому хочу.

– Это как же?

– С тобой летать, миры увидеть, какие ты видишь, – Принцесса нежно погладила Дракона, но не сдержалась и уколола. – Если яйца тебя отпустят.

– Не смешно, – фыркнул Дракон. – Ошибся, бывает. Кто бы вообще говорил.

Принцесса курила на Луну и улыбалась счастливым мыслям.

– Ладно, – сказал Дракон, – полетели. Только слушаться. Миры штука опасная.

– Без проблем, – откликнулась Принцесса, выкидывая недокуренный джойнт.

3

Дракон беспокойно ворочался во сне, ругался и тревожился.

– Это невозможно, – Принцесса щелкнула его по носу, – просыпайся, зверь.

– Что? – Дракон открыл глаза и хмуро взглянул на Принцессу.

– Сны у тебя. Опять.

Дракон по-стариковски закричал, пытаясь свернуться в клубок.

– Не нравишься ты мне последнее время, – задумчиво погладила драконью голову Принцесса. – Помирать, что ли, собрался?

– Не дождетесь, – буркнул Дракон. – Тут просто... как бы это сказать... дело есть одно. Незаконченное.

– Тогда заканчивай, иначе совсем захиреешь, – посоветовала Принцесса.

– Придется, – вздохнул Дракон.

Он какое-то время собирался с мыслями, бормоча что-то себе под нос, потом потянулся, стряхнул остатки сна и спросил:

– Полетишь со мной?

– Конечно, – улыбнулась Принцесса, – интересно же.

– Дракон! Спасайтесь!

Принц вскочил с кровати и принялся торопливо одеваться.

– Вот оно! – лихорадочно шептал он. – Свершилось.

Принц схватил со стены меч и ринулся на улицу. В дверях он налетел на испуганную жену, которая немедленно заголосила:

– Да на кого ж ты нас оставляешь?! Размечает твое тело белое чудище поганое по лесам и болотам!

– Уймись, женщина! – приосанился Принц, хотя голос его предательски дрожал от страха. – Я этого гада десять лет ожидаю.

– Тут, значит, дело и было, – рассказывал Дракон Принцессе.

Они сидели на небольшом холме, у подножия которого метались испуганные огни еще недавно мирно спящей деревни.

– С бодуна я был, спал, как убитый, – Дракон поморщился, вспоминая. – День рождения знакомого диктатора праздновали, ну того, помнишь, погреба у него еще знатные.

Принцесса кивнула.

– С размахом отмечали, – продолжал Дракон. – Диктаторы, как никто, умеют удивить. Экзотика, бабы...

– Не отвлекайся, – перебила Принцесса. – Знаю я этих баб.

– Я тоже, – подмигнул Дракон. – Короче, сплю, никому не мешаю, а тут он. Принц мелкопоместный. Копьем мне в бок тычет и в ухо орет. На бой вызывает. А отказаться нельзя, кодекс не позволяет. Я глаза продрал, дыхнул на него, чтобы охолонился немного, и объясняю, не в лучшей я форме сейчас, обождать надо, иначе подвиг не будет иметь исторической ценности.

– Уболтал, – ухмыльнулась Принцесса.

– Конечно, – согласился Дракон. – Ты знаешь, я не любитель этого всего. Да и принцы на вкус не деликатес совсем. Коктейль из говна и пафоса. В общем, пообещал он подождать, пока снова в силу не войду. Я улетел. Думал, он забудет.

– Фигушки! – Принц подкрался незаметно. – Мне подвиг по статусу полагается. Так что выходи на бой, чудовище!

– Видишь, какой пиздец? – пожаловался Дракон. – Потому и сплю плохо. Повалился он ко мне во сне являться, всю плешь проел со своим подвигом, вынь ему да положи!

– Да уж, положение, – Принцесса скрутила джойнт.

– Миленькая! – из-за спины Принца вынырнула заплаканная жена и повалилась в ноги Принцессе. – Скажите чудищу вашему, пусть не убивает малохолдного моего. Что я делать буду? Какой-никакой, а муж он мне, и детки сиротками... ыыыыы...

– Да какой я тебе муж?! – возмутился Принц. – Нет, ну вы видали?! Я тебе сразу, простояндинке, сказал, рассчитывать тут не на что, проездом я, в ожидании подвига. Говорил?

– Говорил, – всхлипнула жена.

– А ну цыц! – рявкнула Принцесса. – Значит так, Дракон принадлежит мне. Как транспортное средство. Могу права показать. И его долги теперь мои. На бой, говоришь? За мной право выбора оружия.

– Но в историческом масштабе, – возмутился Принц, – это не будет приравнено к подвигу. Подумаешь, бабе морду набил. Любой крестьянин по вечерам так развлекается.

– Позвольте мне, – попытался вмешаться Дракон.

Но Принцесса придавила ему хвост каблуком и не позволила.

– Зачем морду? – она одарила Принца ласковым, как нож, взглядом. – Будем играть в «перепей товарища», или в историческом масштабе будет считаться, что ты просто-напросто зассал.

– Ладно, – проворчал Принц.

– Бочку волоките, – приказала Принцесса, – самого крепкого. В бой, так в бой.

– Не нравится мне это, – шепнул Дракон на ухо Принцессе.

– Тебе тоже права показать? – огрызнулась та.

Принц с женой уже катили бочку.

– Недолго музыка играла, – заметила Принцесса, – распробовать толком не успели, а он...

На руках жены уныло висел вдрызг пьяный Принц. Ожидание подвига настолько утомило его, что он сломался, едва пригубив.

– Долги уплачены, дела доделаны, – весело пропел Дракон. – Не возражаете, если мы бочечку с собой заберем?

Жена радостно закивала.

– Удачи, – похлопала ее на прощанье по плечу Принцесса. – Протрезвеет, скажите, победил.

– Зачем? – удивился Дракон.

– Чтобы в историческом масштабе, – устало пояснила Принцесса.

В небе тлели звезды, а в траве недокурный джойнт.

4

– Что интересного пишут? – поинтересовался Дракон.

– Угу, – кивнула Принцесса.

– Интернет поимел тебя, – вздохнул Дракон, заглядывая Принцессе через плечо. – Белоснежка отравила очередную мачеху, Спящая Красавица представляет новую диету «Худеем во сне все вместе», Голубого Дракона ослепили насмерть стразы гламурного Принца, менастрель Рыло дает двести восемнадцатую прощальную гастроль. Все как обычно, ничего нового. Может быть, в погреба?

– Угу, – опять кивнула Принцесса.

– Придется принимать меры, – проворчал Дракон и нечаянно перерубил когтем провод.

– Только мы с Упырем собрались слегка потроллить Золушку! – возмутилась Принцесса. – Тебе скучно, зверь?

– Что за Упырь? – насторожился Дракон.

– Откуда я знаю? – Принцесса потянулась. – Ты прав, реальный мир заждался. Погреба, говоришь?

– Тебе с ним интересно? – не отставал Дракон.

– Интересно, но с тобой лучше. Тем более в погребах.

Многие ученые люди до сих пор спорят. Одни говорят, мир большой, а интернет еще больше, значит, интернет вполне может быть приравнен к миру, другие утверждают, что интернет лишь вредный паразит на теле большого мира, он опасен и приравнен может быть лишь к неизлечимой болезни. Бывалые люди цинично поднимают бровь, это интернет, детка, здесь могут нахуй послать, делай деньги, возможности твои безграничны.

– Злобный Мудак и Леон знали друг друга всю жизнь, – Дракон вышиб дно бочки опрокинул содержимое в пасть. – Они были очень разные. Как порядок и хаос.

– Чувствую, кто-то мне сейчас расскажет очень поучительную и не менее грустную историю про интернет, – Принцесса скрутила джойнт и приготовилась слушать.

– В качестве компенсации за перерубленный провод и Упыря, – подмигнул Дракон. – Надо же мне тебя как-то развлечь.

Интернет знаком всем. Кто-то ищет в нем информацию, кто-то заработок. Люди общаются, творят, вытворяют, любят, ненавидят, страдают, завидуют, обижаются, радуются, смеются, плачут. Заводят домашних животных, фермы и семьи. Покоряют другие планеты и сражаются на войне.

У них есть ник и юзерпик. Кому—то они просто маски, а кому-то...

– Леон каждое утро ходил на работу. Он много работал. У него были цели, внушительные и далекие, словно горные вершины, и он всеми силами старался их покорить. У Злобного Мудака тоже была цель. Он хотел украсить граффити самое большое здание города. Только тому еще не придумал. Рациональный Леон шутил, что никогда не придумает.

Дракон вышиб дно очередной бочке.

– Злобный Мудак альтер-эго Леона, – выдохнула сладкий дым в потолок Принцесса. – В каждом из нас живет порядок и хаос. Рациональный Леон пытался оградить их друг от друга. Поэтому Злобный Мудак жил в интернете. Правильно?

– В общем, да, – согласился Дракон. – Они очень гармонично существовали, каждый на своей территории. Все было идеально.

– Но... – прищурилась Принцесса, – всегда есть НО.

– Злобный Мудак встретил Шип без Розочки.

В интернете много одиноких альтер-эго. Кого-то выкинули, кто-то ушел сам. А некоторым удается жить в обоих мирах.

– Ого, – Принцесса осушила бокал, – любовная история. Шип без Розочки, конечно, была особенная. Злобный Мудак никогда таких не встречал, а Леон тем более.

– Именно, – Дракон потянулся за очередной бочкой. – Ведь там, за компьютером сидела Вэл. Им с Шипом без Розочки каким-то образом удавалось быть одним целым.

– Таааак... – протянула Принцесса, – старый ты плагиатор! Придумал это под влиянием «Бойцовского клуба». Очень мило. Дай-ка, я расскажу, что случилось дальше.

– Очень кстати, – кивнул Дракон, – я пока приговорю пару бочек.

– Злобный Мудак полюбил Шип без Розочки, и, что еще хуже, он полюбил Вэл. По-другому и быть не могло. Они решили создать свой мир. Только в планы Леона это не входило. Он захотел убить Злобного Мудака, но не смог. Вместо этого он убил Шип без Розочки. Перерубил нечаянно провод, запер Злобного Мудака в клетку, где не было ни ровных поверхности, ни баллончиков с краской.

– Между прочим, – ухмыльнулся Дракон, – тема раздвоения личности была актуальна всегда. Кстати, Леону было очень тяжело таскать внутри себя клетку с собственным альтер-эго. Не завидую.

– За все надо платить, – пожалала плечами Принцесса. – Убить чужой мир в момент его зарождения, беззащитный и доверчивый, чтобы нагнуть свое альтер-эго... Жестоко.

Можно до бесконечности спорить, что считать миром, а можно просто принять и жить. Во многих. Когда-нибудь клетку, в которой сидит Злобный Мудак, сожрет ржавчина, и она осыпется. Он станет свободным и захочет поговорить с Леоном. Они возьмут баллончики с краской и распишут город. Для Вэл и Шипа без Розочки.

Дракон перечитал «Бойцовский клуб» и еще раза три пересмотрел. Потом залез в интернет и как следует оттролил Золушку.

5

– Письмо от Его Высочества, – Дракон помахал листком пергамента.

– Знаю, – поморщилась Принцесса. – Он так обильно душит бумагу, словно хочет удушить насмерть. Ощущение, будто у нас в гостях бордель «Четыре суки» в полном составе и с клиентурой.

– Бордель не в пример приятней писем Его Высочества, – заметил Дракон.

– Один хуй, – Принцесса скрутила джойнт. – Там и там в итоге просят денег.

– Положение мое сложнее некуда, – прочитал Дракон, – хоть в петлю. Это такие люди, что карточных долгов не прощают. Замок ваш родовой с молотка пойдет, папеньку с маменькой по миру пустят, конюшни поразоряют, фрейлин в посудомойки определяют, а они барышни нежные, воспитанию обучены... отвлекся... пардон муа... Короче, нужно денег. Срочно. Целую.

– Вот мудак! – хмыкнула Принцесса. – Маменька с папенькой уже два года по миру ходят. Не по этому, правда. А замок мне никогда не нравился, впрочем, как и Его Высочество.

– Да хрен с ним, – махнул лапой Дракон. – Давай я ему мешок золота свезу по-быстрому, а? Замучает ведь голубей гонять с письменами. От нас не убудет.

Дракон показал на кучу золота в углу пещеры.

– Нет, – усмехнулась Принцесса. – Золото портит. Пусть лежит себе. Или ты забыл благотворительную акцию в отношении «Четырех сук»?

– Не забыл, – проворчал Дракон. – На это бабло каждая могла зажить своим домом, а они взяли и флигель пристроили. С банькой.

– Вот и я о том же, – Принцесса затынулась, выдохнула, отчего по пещере поплыли сизые кольца дыма. – Они уверены, что теперь все по-другому. Его Высочеству напиши, денег нет. На скачках проебали. Сами все в долгах. И вообще... Больны неизлечимой заразной болезнью.

– Давно хотел тебя спросить, – смущаясь, начал Дракон. – В каждой пещере, где мы живем, валяется в углу куча золота а у тебя ни разу не было стремления потратить ее. Ты жадная? Ладно я, у Драконов веками положено золото собирать и прятать. А у тебя что?

– У меня? – засмеялась Принцесса. – У меня ничего. Я рисую карты, запутанные, стилизованные под пиратские. Для каждой пещеры с золотом. Раскидываю их повсюду, для любителей поискать клад.

– Зачем? – удивился Дракон.

– Надо же деньги куда-то девать, – Принцесса нежно погладила Дракона по шипастой голове. – Может, в погреба? Диктатор будет рад.

– Хорошая мысль, – одобрил Дракон.

Фрейлины плакали. Они не хотели в судомойки.

Пожилomu скотнику ветер швырнул в лицо целых три пиратских карты с сокровищами.

– Вовремя, – оценил скотник.

Он третий раз за день страдал желудочным расстройством.

6

– Тихо, – Дракон на цыпочках прокрался в пещеру. – Забросайся златом и сиди спокойно.

– С головой и насмерть, – буркнула сонная Принцесса.

– Она хорошая, – шепнул Дракон бедно одетой скромной девушке с небесной синью в глазах, – просто злая по утрам.

– Это потому, – наставительно подняла палец девушка, – что ее Принц не целует. Представь, каково ей твою морду спросонок наблюдать?

– Мне его морда родная, – приоткрыла глаза Принцесса, – в отличие от твоей. Чего надо?

– Подобрал на дороге, – смутился Дракон. – Несчастливая она.

– Обогреть, напоить и нахуй, – отрезала Принцесса.

– С последним пунктом неувязочка, – вздохнул Дракон. – Она не простая скотница, а Замарашка.

– Вижу, – Принцесса потянулась, зевнула и скрутила джойнт. – Нам она зачем?

– По делу я, – засуетилась Замарашка. – Важному очень. Дракон ваш мачехе моей приглянулся. Вернее, шкура его. В основном та, что с хвоста. Скорняжное производство открыть желает. Послала меня на отруб хвостовой части. Говорит, без нее не возвращайся, иначе на бал ходу нет. А там красиво и принц...

Девушка закатила глаза.

– Хвост?! – осклабился Дракон. – Да ерунда! Новый отрастет.

– Спокойно, – остановила его порыв Принцесса. – На бал и без хвостов попадают. В сундуке пошарь, там платья на все случаи жизни. Пошла!

Замарашка радостно углубилась в нарядный сундук.

– Я же говорил, добрая, – лелеял спасенную хвостовую часть Дракон.

– Карету с конями пусть сама, – ухмыльнулась Принцесса. – С такими нарядами авто-стопом ездить одно удовольствие.

Грянул бал.

7

– Ну когда же? Когда? – Принцесса нетерпеливо меряла шагами пещеру.

– Через три часа двенадцать минут двадцать восемь секунд, – ответил Дракон.

– Ненавижу ждать! – застонала Принцесса.

– Неоправданный ажиотаж, – зевнул Дракон, сворачиваясь поудобней в углу пещеры. – Что такого притягательного в престарелой рок-группе «Три упыря»?

– Тебе не понять, – фыркнула Принцесса. – Это ностальгия. Их плакатами был увешан весь дворцовый сортир. Мне было пятнадцать, обожала солиста, мечтала, что когда-нибудь он оставит автограф в моем декольте.

– Ожидание иногда приносит больше удовольствия, чем ожидаемое, – заметил Дракон. – Я рассказывал тебе о Русалке и Рыбаке?

– Не припоминаю, – скрутила джойнт Принцесса. – Расскажи, это меня отвлечет.

– Один Рыбак, возжелав острых ощущений, соблазнил юную Русалку. В порыве страсти обещал жениться и пропал, – Дракон чиркнул когтем о камень, высекая огонь. – Долгие годы Русалка ждала, когда он появится. Выбрасывалась на берег, озадачивая экологов, пела похабные песни, направляя беззащитные корабли на рифы, смущала пловцов голой грудью и много чего другого. А он все не приходил. На смену любви явилась ненависть, следом презрение, за ним равнодушие и убеленный сединами карась с финансовыми гарантиями.

– Неплохие перспективы, – заметила Принцесса.

– Русалка тоже так думала, – кивнул Дракон, – и совсем перестала ждать. Тогда-то он и появился. С букетом экзотических водорослей, коньяком трехсотлетней выдержки и сладкими речами.

– Думаю, коньяк сыграл решающую роль.

– Не последнюю. Возомнив, что Рыбак теперь полностью в ее власти, ползает у хвостового плавника и извиняется, Русалка решила утопить его в море. Предварительно воплотив в жизнь сексуальные фантазии, коих за долгие годы накопилось изрядно. Но ее ожидания не оправдались.

– Не вышло с фантазиями? – спросила Принцесса.

– Видишь ли, Рыбак тоже думал, что у каждой истории должен быть конец, и с фантазией у него было все в порядке. Он их удовлетворил, а после сварил уху.

– Каков подлец! – возмутилась Принцесса.

– Просто у него не ладилось с работой. А семью кормить нужно.

– Надеюсь, коньяк трехсотлетней выдержки стоил этого, – Принцесса затушила джойнт и легонько дернула Дракона за ус. – Кстати, я говорила, что «Упыри» дают прощальную гастроль в погребках у Диктатора?

– Ненавижу ждать! – рявкнул Дракон.

– Иногда ожидание... – елеиным голосом пропела Принцесса.

– Не тот случай, – перебил Дракон, готовясь к взлету. – Погребка всегда оправдывают любые ожидания.

8

– Кузина Эмма отрастила еще одну грудь, – сообщила Принцесса, разбирая почту.

– Зачем? – в углу пещеры Дракон рассеянно копался в золоте.

– Замуж хочет, – пояснила Принцесса. – А в тех кругах, где она вращается культ сисек. Чем их больше, тем выше рейтинг на ярмарке невест.

– В прошлом году, если мне не изменяет память, в моде был мозг, – Дракон подбросил в воздух горсть монет.

– Не заладилось у них с мозгом, – хмыкнула Принцесса, изучая счета. – Они его пробовали увеличивать, в результате многие погибли, задавленные собственными головами.

– Мода так переменчива, – заметил Дракон, – лишь золото и стремление замуж вечны. Пару столетий назад я забрел в ночной клуб «Только для Принцев».

– Возжелал экзотической пищи?

– Принцы на вкус гаже фастфуда, – поморщился Дракон. – Тянуло купаться в сливках высшего общества. Вдобавок, у меня безупречные манеры.

– Не сомневаюсь, – кивнула Принцесса, выбрасывая счета и приколачивая джойнт.

– У барной стойки я встретил молодую жабу, — продолжал Дракон, – она была печальна, пьяна и очень хотела замуж. Страдала синдромом «долго и счастливо». Стоило любому, самому завалящему принцу поцеловать жабу, как в желудке у нее начинали гроыхать свадебные колокола. Весь вечер она просиживала на коленях у бедняги, утомляя его мечтами об уютном гнездышке и любовно оплодотворенной икре. Я не мог не помочь.

– Понятно, – сказала Принцесса. – Если я не ошибаюсь, дальнейшие события развивались так. В момент, когда принц готов был ради спасения от навязчивой жабы на что угодно, даже на секс с парочкой гоблинов, появлялся ты. С вызовом на бой. Принц вдруг вспоминал о важном деле, вроде подвига, доставал чековую книжку и уносил ноги. Вслед ему плакала неоплодотворенная икра. Золото вы с жабой пополам делили?

– Вообще-то, сперва я хотел лишь поднять жабе рейтинг в глазах принцев, – оправдывался Дракон. – Сыграть сцену ревности, обманутого любовника. Оказалось, в высшем обществе дорого ценят жизнь и здоровье.

– В результате ты не только искупался в сливках, еще и снял самые вкусные, – похвалила Принцесса.

– Весьма польщен, – скромно поклонился Дракон. – Скажу больше, я помог жабе устроить личную жизнь.

– Пристроил в бордель «Три веселых шлюхи»?

– Тогда его еще не открыли, – ответил Дракон. – Я отнес жабу на болото. В естественную, так сказать, среду обитания. Деньги у нее были и выйти замуж труда не составило.

– Знаешь что, – подумав, сказала Принцесса, – отправим кузине Эмме пару мешков золота. Она ведь в естественной среде обитания. Вдруг поможет?

– Вечные ценности всегда помогают, – согласился Дракон. – Отвезем лично, любопытно увидеть ее новые сиськи.

Принцесса не возражала. Ей тоже было интересно, к тому же, счета вгоняли в тоску.

9

Вход в пещеру был завален шкафом.

– Прабабушка Агнесса немного опоздала со свадебным подарком, – заметила Принцесса, разглядывая трепещущую на ветру почтовую открытку.

– Внутри, скорее всего, семейный скелет, – Дракон постучал когтем по дверце шкафа. – Тем не менее, я хочу попасть домой. Неделя в погребках диктатора утомила меня.

– Разберем на дрова, – предложила Принцесса. – Зима обещала быть холодной.

– Ни в коем случае! – дверцы шкафа распахнулись, и из них выплыл Любовник. Точнее, его призрак.

– Хранитель семейного счастья, – смахнула умильную слезу Принцесса. – Прабабушка Агнесса отдала самое дорогое.

– Этот хмырь будет жить с нами? – испугался Дракон. – Но вход в пещеру слишком узок для его шкафа.

– Еще чего! – брезгливо хмыкнул призрак Любовника. – Мой шкаф исключительных дворцовых габаритов.

– Прабабушка Агнесса рассеяна и забывчива, – сказала Принцесса, скручивая джойнт. – В молодости она уехала на бал, закрыв в этом самом шкафу любовника. За время ее отсутствия он благополучно скончался, но не пожелал покидать шкаф и сделался призраком.

– Понятно, – Дракон отодвинул шкаф и протиснулся в пещеру. – Наличие в шкафу любовника, пусть даже призрачного, заставляет не расслабляться, что крайне полезно в семейной жизни.

– Харизма моя в подобных халупах не работает, – вздернул подбородок призрак Любовника. – Но раз уж я здесь, могу дать пару рекомендаций насчет манер и гардероба.

– Прабабушка Агнесса решила расслабиться, – Принцесса выдохнула в небо кольцо сладкого дыма. – Значит, на дрова.

– У Диктатора скоро очередная свадьба, – пожалел призрака Дракон. – Чем не подарок? Может, именно его ему не хватало в предыдущих семейных жизнях?

– Раз Диктатор, значит габариты достойные, – повеселел призрак Любовника.

– И скелеты дружелюбные, – смилостивилась Принцесса. – Из каждого шкафа приветствуют.

Диктатор подарку обрадовался. Он вообще любил подарки.

Прабабушка Агнесса проводила в командировку очередного мужа, вынула вставную челюсть, облачилась в байковый халат, сунула ноги в шаркающие тапочки и наконец-то расслабилась.

Дракон отсыпался в куче золота. Принцесса улыбалась звездам.

Призрак Любовника беспокойно ворочался в шкафу. Скелеты оказались не слишком дружелюбными.

10

Вместе с первыми лучами солнца в пещеру, где приходили в себя из диктаторских погребов Принцесса и Дракон, заглянул очень бодрый гражданин.

– Доброго утрачка! – гаркнул он радостно.

– Пошел вон, – простонала Принцесса. – В моде нынче ранние визиты?

– Некультурное современное общество, – Дракон выдохнул перегарное облачко в лицо гражданину. – Раньше оно как было? Сначала голубя с письмом посылали. Так, мол, и так, дорогие хозяева, не желаете ли вы лицезреть меня на пороге через пару недель ранним утрачком? Голубь птица нежная. Во всех отношениях.

– Я за золотом пришел, – гражданин слегка позеленел лицом, но бодрости не утратил. – А за дверьми еще триста человек. Не отдадите сами, силой возьмем.

– А вот хрен вам, – оскалился Дракон.

– Спокойно, зверь, – Принцесса заговорщицки подмигнула Дракону, – Может, им золото для благого дела нужно. Так ведь бывает, правда? – она ласково улыбнулась гражданину.

– Еще как бывает, – расцвел лицом гражданин. – Вы себе даже не представляете!

– А вы расскажите! – Принцесса улыбнулась еще ласковей и скрутила джойнт.

– С удовольствием, – гражданин с поклоном поднес спичку. – Мы хотим купить общее осознание.

Дракон закатил глаза, шумно вздохнул и выудил из угла пещеры винную бочку.

– Я этот бред на трезвую голову слушать не буду, – пояснил он, вышибая бочкино дно.

– Вот сейчас позову триста человек, – обиделся гражданин, сглатывая слюну. – Мы не позволим какому-то гаду попить...

Что попить гражданин так и не объяснил, подавился очередной порцией слюны и закашлялся надсадно.

– Налей человеку, – попросила Принцесса. – Видишь, как страдает.

– Я его сюда не звал, – огрызнулся Дракон, но вина все-таки плеснул в подставленный гражданином грязный складной стаканчик.

– Я вообще-то не пьющий, – гражданин осторожно клюнул губами край стаканчика, будто барышню первый раз в розовую щечку, – но если хорошее вино учую, сразу слюной давлюсь.

– Особенность такая, – понимающе кивнула Принцесса. – Давайте не отвлекаться от всеобщего осознания. Оно вообще в природе существует?

– Торговец сказал, существует, – ответил гражданин. – Но крайне редко и очень дорого.

– Наверное, еще и показал? – поинтересовалась Принцесса.

– Мы не дураки, – с достоинством выпрямился гражданин. – Осознание нельзя увидеть и потрогать. Оно накрывает. Знаете, что такое, когда накрывает?

– Знаем, – ухмыльнулся Дракон, опрокидывая в пасть содержимое бочки.

– Торговец осознание в мешок положил, – продолжал гражданин. – Сказал, как только деньги получит, отъедет подальше, так мы мешок открыть должны. Тогда почувствуем. И настанет счастье. Опять же, большое и всеобщее.

– А раньше счастья не было? – спросила Принцесса.

– Было. Только у всех разное и маленькое. А мы хотим, чтобы одно большое и на всех.

– Так бы и сказал, что на счастье денег надо, – проворчал Дракон. – При чем здесь осознание?

– Счастье нельзя купить, – гражданин поглядел на Дракона с брезгливой жалостью. – Оно приходит через осознание.

– Забирайте золото, – Принцесса махнула джойнтом вглубь пещеры.

– Что?! – Бросаясь на кучу золота чешуйчатым брюхом, взревел Дракон. – Да я его лучше Диктатору продам! Даром!

– Милый, – нежно шепнула Принцесса Дракону, – разве тебе не любопытно посмотреть, как накрывает осознанием? Мне так интересно, что мы с тобой им это золото доставим.

– Будем премного благодарны, – чуть не до земли поклонился гражданин.

– Такие пустяки, – отмахнулась Принцесса.

Дракон хотел возразить, но веселые черти в глазах Принцессы велели ему подчиниться. Он хорошо знал этих чертей. Они любили развлекаться по-королевски.

Несколькими часами позже Принцесса и Дракон сидели на берегу моря и кормили большого стеснительного кальмара молодой травой.

– Это стоило того, – вспоминал Дракон физиономии граждан, накрытых единым осознанием. – Но будет ли у них счастье?

– Обязательно, – заверила Принцесса. – Осознание, что наебали не тебя одного, неизбежно приводит к общему счастью.

– Значит, золото пошло на благое дело, – успокоился Дракон. – Интересно, что по этому поводу думает кальмар?

Кальмар был старше моря, в котором жил, и думал он много чего и по любому поводу. Но предпочитал жевать молодую траву, удерживая мысли при себе.

11

– Скажи, зверь, – Принцесса легонько подула на многоэтажный карточный домик, – бывает ли вечной любовь?

– Этот вопрос я игнорирую, – зевнул Дракон, освобождая шипы от наколовшихся разномастных карт, – как провокационный.

– Я не спрашиваю про твою любовь, – усмехнулась Принцесса. – И про свою тоже. Я спрашиваю вообще.

– Напиши Диктатору, – посоветовал Дракон, – он точно знает.

– Не знает он ни хрена, – затянулась джойнтом Принцесса. – Не пробовал даже. У него жен штук триста и все любимые. В разное время. По башням сидят, сам же видел.

– Видел, – согласился Дракон. – Некоторые приятны на вкус и ощупь. Остальные просто милые.

– Но за них не хочется умереть. – заметила Принцесса.

– И это хорошо. Представь, что его племянники сделают с погребями.

– Да понятно, – отмахнулась Принцесса. – Но все же... Любовь требует жертвоприношений, верно?

– Рассказать тебе самую старую драконью легенду? – Дракон положил голову Принцессе на плечо. – Она о любви, жертвах и мирах.

– Конечно! – обрадовалась Принцесса. – Давненько ты меня сказками не развлекал.

– Тогда устраивайся поудобней и слушай. На заре времен мир был один и правил им Великий Дракон. А как иначе? Ведь он его вытащил из хаоса, нечаянно зацепившись когтем. Великий Дракон делал с миром, что хотел. Создавал, уничтожал, снова создавал и так продолжалось до тех пор, пока...

– Знаю, – перебила Принцесса. – Он встретил Ее. Дракониху на яичной кладке. И влюбился. У них вылупились детишки, которые породили остальные миры. Долго, счастливо и все такое... Слышала я уже эту историю. Ты мне ее рассказывал, когда я с Его Высочеством в замке проживала фамильном.

– Как же я не люблю, когда ты перебиваешь, – вздохнул Дракон. – Если знаешь, рассказывай сама. Хотя все было совсем не так. Он встретил Женщину.

– Принцессу, естественно, – улыбнулась Принцесса.

– Нет, – раздраженно проворчал Дракон. – Просто Женщину. Самую прекрасную и свободную во всем мире. Да что там мире! Она умела создавать порядок из хаоса.

– Ого! – присвистнула Принцесса. – Повезло старичку.

– Ты себе даже не представляешь, как. Великий Дракон осознал свое истинное предназначение. Служить ей. Но ей это было не нужно. Она не хотела ничем и никем владеть. Ей просто нравилось придумывать миры, вот и все. Тогда Великий Дракон принес жертву. Он приковал себя цепью у ее ног, чтобы записывать всё, что она придумает. Собственной кровью. Так появились миры.

– Понятно... – задумчиво проговорила Принцесса, скручивая джойнт. – Не очень весело.

– Ты же хотела про любовь и жертвы, – ответил Дракон. – А миры построены именно на этих двух вещах. По крайней мере, так записано в драконьих хрониках.

– Что-то мне тоскливо стало, – Принцесса выдохнула в потолок ароматный дым. – Может, в погреб?

– Хорошая мысль, – поддержал Дракон. – Тем более, Диктатор не молодеет, а племянники у него, сама знаешь... Не способны пожертвовать лишней бочкой для старых дядюшких друзей. Так что, надо наслаждаться, пока возможность есть.

Где-то за пределами, в самом сердце хаоса Великий Дракон обмакнул коготь в собственную кровь.

12

– Слушай, – Дракон вломился в пещеру, отряхивая снег с чешуи, – я тут гнезда инспектировал и вот что нашел. По-моему, это змей. Либо от горного тролля опять сбежал хуй.

– Поближе к камину положи, отмерзнет, разберемся, – не отрываясь от подарочных упаковок, велела Принцесса.

– Спасибо вам, добрые люди! – отмерз хуй. Или змей. – Позвольте представиться. Змей-Вдохновитель.

– Что-то не верится, – засомневалась Принцесса. – Молока?

– Не откажусь, – облизнулся змей.

– Точно змей, – подтвердил Дракон. – По глазам вижу. К тому же, хуй горного тролля предпочитает водку. Помнишь, в прошлый раз...

– Как интересно! – воскликнул змей. – Похоже, этот хуй парень хоть куда!

– Угу, – кивнула Принцесса. – Как выпьет лишнего, так и норовит. Куда угодно. Троль с ним совсем измучился.

– Я вот что придумал, – сказал Дракон. – Ты ведь вдохновитель? Вот и вдохнови тролля. Нет у него фантазии и ума мало. Хватает только на сворачивание гор этим самым хуем.

– Нууу... – замялся змей, – у меня свой особый путь. Мало кто довольным остается.

– Почему? – скрутила джойнт Принцесса.

– Прimitивные индивиды, – змей свернулся в миске с молоком. – Им лишь бы пожить. Вдохновлю, к примеру, кого-нибудь стихи написать. Гениальные. Не успеет он их в голове оформить, как тут же пытается продать. А все гениальное спорно и безоговорочно продается только после смерти гения.

– Троль не такой! – заступился за приятеля Дракон. – Ему материальное чуждо. Он просто за хуем не успеваает. Такая вот дисгармония. А скоро Новый Год.

– Новый Год, конечно, аргумент, – согласился змей.

– Давай, я тебя красиво упакую и троллю пошлю, – предложила Принцесса.

– Если только с блестками и в бантиках, – капризно потребовал змей.

– Я доставлю, – вызвался Дракон.

– Кузине Эмме мы подарим пластического хирурга, – бормотала Принцесса, заворачивая очередной подарок.

– Троль меня так благодарил, я еле вырвался, – пожаловался Дракон.

– Еще бы! – усмехнулась Принцесса. – Вряд ли он ожидал в подарок собственный сбежавший хуй. Да еще в костюме змея-вдохновителя.

– Новый Год, – вздохнул Дракон, – чудеса случаются. Хочешь, я подарю тебе все звезды галактики?

– А они не будут против?

– Даже не заметят.

13

– Его Высочество охвачен хандрой, – встретила Дракона Принцесса.

– А это, видимо, гонцовые ноги, – заметил Дракон, указывая на распластавшееся у входа в пещеру хлипкое тело.

– Ага, – приколотила джойнт Принцесса. – На пороге рухнул, торопился доставить послание. Его Высочество других не держит. Умри, но доставь и обратно с ответом.

– Так в чем проблема? – Дракон ткнул когтем безжизненное тело.

Гонец подскочил в испуге и затараторил:

– Его Высочество ставит в известность Ее Высочество и Зверя, с ней проживающего, что всё!

– Что всё? – поскреб шипастую голову Дракон.

– Забало! – гаркнул гонец и повалился без чувств.

– Удивил, – фыркнула Принцесса. – С жиру Его Высочество бесится или с перепоя страдает.

– Зря ты так, – Дракон уложил гонцовское тело на небрежную кучу золота в углу. – Его Высочество всегда был несчастным. Вот скажи, что он любит больше всего?

– Балы, охоту и фрейлин пощупать.

– Это антураж, – поморщился Дракон. – По-настоящему он любит играть на треугольнике. В темнице. Гольшом. Пожизненно приговоренным.

– Я им очень сочувствую, – ехидно улыбнулась Принцесса.

– Играет он и правда отвратительно, – согласился Дракон, – но дело не в этом.

– Сейчас начнется лекция о тонких душевных организациях, – Принцесса глубоко зянула и приготовилась слушать.

– Не лекция, а сказка, – уточнил Дракон.

– Мне мама в детстве сказки рассказывала, – подал голос из кучи золота гонец. – Я их страсть как люблю. Можно тоже послушать?

– А если скажем нельзя, ты оглохнешь что ли? – выдохнула кольцо сизого дыма в потолок Принцесса.

– Я расстроюсь, – обиженно засопел гонец, – а вам стыдно станет.

– Не станет, – сказал Дракон. – Сказки слушателей не выбирают. Они для всех, кто хочет.

– Повезло тебе сегодня, – хмыкнула Принцесса.

– В одном городе жил правитель, – начал Дракон. – Не самый плохой, прошу заметить, а очень даже милый и местами справедливый. Но несчастный. Не чувствовал он себя правителем и все тут. Хотя толпы придворных ежедневно льстили ему и говорили исключительно приятные вещи. Вот однажды правитель среди ночи вышел из своего замка и пропал. Жители города погоревали и выбрали нового. Только они не знали, что правитель не исчез бесследно. Он сделался дворником. Да-да, самым обычным дворником, с метлой и лопатой наперевес. Каждый день он убирал оставленный жителями мусор и наконец-то почувствовал себя истинным хозяином города.

– Лажа какая-то, – недоверчиво покачал головой гонец. – Разве можно быть счастливым, убирая мусор?

– Я тоже так думал, – ответил Дракон. – Был молод, глуп и подвержен депрессиям. Искал свое место в жизни и всякое такое. Он встретил меня на городской свалке, где я предавался размышлениям о смысле бытия, угостил леденцами и рассказал, что может узнать о настроении любого человека лишь по виду скомканной им обертки из-под конфеты.

– Профессионал, – уважительно протянул гонец. – Но я все равно не понимаю...

– А тебе и не надо, – отрезала Принцесса. – Передай Его Высочеству, чтобы в ассенизаторы шел. Там не до хандры будет.

– Слушаюсь! – выкрикнул гонец, вскочил на ноги и умчался, вздыбив пыль на пещерном полу.

– Я, вообще-то, не это имел в виду, – задумчиво произнес Дракон.

– Хотел предложить ему совершить гастрольный тур по темницам?

– Нет, – буркнул Дракон, – просто рассказал сказку.

Пыль улеглась, джойнт догорел, в далеком городе улыбался своему городу дворник...

14

– Вы, ребят, меня извините, – растолкал спящих в погребках Принцессу и Дракона Диктатор. – Дело есть. Важное и неотложное.

– А обещал тишину, покой и невмешательство в расширение сознания, – зевнула Принцесса.

– Ты ведь Диктатор, – завозился, укладываясь поудобней, Дракон, – придумай что-нибудь сам.

– Могу, – пожал плечами Диктатор. – Например, на кол посадить, без суда и следствия. Только общественность осудит.

– Не горячись, – посоветовала Принцесса, скручивая джойнт, – Успеется на кол.

– А куда его? – спросил Диктатор. – С утра пораньше во дворец приперся, аудиенции испросил, в ноги бухнулся и сказал, что спешит поделиться секретом быстрого построения идеального общества.

– Для начала охрану уволить следует, – хмыкнула Принцесса, – просителей на входе не фильтруют вовсе.

– Кабы они были, просители эти, – Дракон открыл глаза и потянулся, расправляя похмельные крылья.

Бочки в погребках содрогнулись.

– Я, – задушевно молвил Диктатор, – в просителях нужды не испытываю. Подведомственный народ и чаяния его вот где у меня.

Он сжал кулак и потряс им в воздухе.

– Тем не менее, мысль об идеальном обществе не оставляет, – вздохнул Диктатор. – Гены, наверное.

– Знаешь, – Дракон вышиб дно у близлежащей бочки и опрокинул содержимое в пасть, – вспомнилась тут мне историйка одна. Как раз про общество идеальное. Хочешь, расскажу?

– Так я за этим и пришел! – обрадовался Диктатор. – За советом к друзьям. А просителя этого я пока в темнице закрыл. Пусть в тишине посидит, может, еще что умное придумает.

– Изолированные помещения, обставленные с жестким аскетизмом, – затынулась джойнтом Принцесса, – способствуют мыслительному процессу.

– Согласен, – кивнул Дракон. – Когда я лежал в яйце...

– Не сегодня, – прервал его Диктатор. – Пропустим детские воспоминания. Переходи к идеальному обществу.

– Как хотите, – фыркнул Дракон и приговорил разом две винные бочки. – Жил был король. Молодой, прогрессивный и переживающий. Целыми днями сидел он на троне и мечтал об идеальном обществе, где все друг с другом согласны, вежливы, искренни и любовь. Решение, страшное в своей простоте и очевидности, пришло не сразу. Вернее, сразу пришло, просто долго не разрешало себя обозначить. Он трепетал и боялся.

– Трепыхался, – подмигнула Диктатору Принцесса.

– И что он сделал? – В глазах Диктатора сверкнуло идеальное общество.

– Выгнал за черту города всех, на кого общество, стремящееся к идеальному, возмущалось. Золотое было время. Сплоченность, единый порыв и бытия объятия... Но, все заканчивается, даже возмущающие раздражители. Общество сделалось идеальным. «Живите и радуйтесь!» – провозгласил король с балкона. Общество, стараясь не попадаться друг другу на глаза, поаплодировало и заперлось на амбарный замок, где благополучно вымерло. От страха.

– Почему? – спросил Диктатор.

– Ненавидеть стало некого, – пояснил Дракон, – кроме себя, это страшно.

– А что случилось с королем?

– Он погоревал, пострадал и сделался селекционером.

– Это как? – заинтересовался Диктатор.

– Хорошо, вот как, – ответила Принцесса. – Королем прадедушка был, может, и не очень, а вот сельскохозяйственные культуры скрещивал, любо-дорого. Каких чудесных плодов только не навращивал! К нему опыт перенимать со всего света приезжали.

– Понял, – кисло улыбнулся Диктатор. – Спасибо, друзья. Пойду я, государственные дела, знаете ли...

– Что-то мне подсказывает, мы здесь в последний раз, – с сожалением оглядел погреб Дракон, выбирая бочку постарше.

– Он, вроде, неплохой Диктатор, лучший среди себе подобных, – добила джойнт Принцесса.

– Но не король...

– Это да...

Над городом собирался метеоритный дождь.

15

– Кузина Эмма сменила грудные импланты и обрела новую личность, – сообщила Принцесса, просматривая почту.

– Ну и как? – заглянул ей через плечо Дракон.

– Плохо. Не могут ужиться.

– Это временно, – зевнул Дракон. – Они же подписывали соглашение?

– Естественно, – кивнула Принцесса. – Она замужем за коллегией адвокатов.

– Тогда это просто притирка, – Дракон нашарил в углу непочатую винную бочку и вышиб дно когтем. – Вот если бы новая личность обрела кузину Эмму без ее согласия, с ней вполне могло бы случиться такое...

– Какое? – заинтересовала Принцесса.

– Страшное... – замогильным голосом шепнул Дракон, протягивая Принцессе свежескрученный джойнт и пылающий коготь, – как с Петром Сергеевичем.

– Кто это? – прикурила Принцесса.

– Какой-то человек в каком-то мире, – ответил Дракон. – Не так это важно. Важно другое. Петр Сергеевич был абсолютно доволен собой, жизнью вокруг и морским кругосветным путешествием, пока его не смыло за борт шаловливой волной. Очнулся Петр Сергеевич в собственной квартире, цел, невредим, но с каким-то посторонним голосом в голове.

– И что тут страшного? – хмыкнула Принцесса. – Пробился у человека внутренний голос. Воззвал, небось, куда-нибудь.

– Если бы, – вздохнул Дракон. – Голос в голове Петра Сергеевича не был его личным внутренним голосом. Потому, что настоящий внутренний голос Петра Сергеевича был нем от рождения, а даже если бы и нет, стихов уж точно не сочинял. А именно этим и занимался голос в голове бедного Петра Сергеевича.

– Думаю, родственники долго с ним не церемонились, отправили на костер, – предположила Принцесса.

– У Петра Сергеевича не было родственников, – трагическим голосом изрек Дракон. – Вместо благодатного костра он отправился к лекарям, знахарям и гадалкам. Они высалили остатки и без того скудного бюджета Петра Сергеевича, но бесполезно. Голос гнул свое. Хорейми, ямбами, амфибрахиями, анапестами...

– Бедный... – пожалела Принцесса неведомого Петра Сергеевича. – Помнишь, ко мне Амфибрахий сватался?

– Не напоминай, – буркнул Дракон, – а то я его сразу в желудке ощущаю. Фантомно. Петр Сергеевич подцепил новую личность, значительно превосходящую его по развитию. Отчаяв-

шись избавиться от надоедливого голоса, потеряв покой, сон и чувство юмора, он завел блог, чтобы изгонять стихи туда.

– По-моему, все благополучно закончилось, – Принцесса глубоко затянулась, отложила джойнт и взялась за перо. – Напишу-ка я кухне Эмме.

– Не торопись, – остановил ее Дракон. – Петр Сергеевич быстро стал популярным сетевым поэтом. Обзавелся поклонницами разного возраста, социальным капиталом, рейтингом и прочими виртуальными атрибутами успешного человека. Всем, кроме личного счастья.

– Что так? – усмехнулась Принцесса. – Помешал могучий интеллект?

– Именно! – воскликнул Дракон. – Могучий интеллект личности, подцепленной, насколько мы помним, непонятно где и как, стоило Петру Сергеевичу договориться с очередной поклонницей о встрече, купить цветы, напитки и заманить в гости обещанием поэтического вечера, мгновенно замолкал. Петр Сергеевич краснел, бледнел, что-то мямлил, дамы расстраивались, выпивали напитки, били его в лицо букетом и уходили, хлопнув дверью. Дело в том, что личности, так бесцеремонно овладевшей Петром Сергеевичем, были чужды его естественные потребности. Даже непонятны.

– Несправедливо, – покачала головой Принцесса.

– Почему? – удивился Дракон. – Без голоса этого со стихами он только фотки мог лайкать и поплевывать в политическую систему, не рассчитывая привлечь и сотой доли дамского внимания.

– Не знаю... – задумалась Принцесса. – Стихи хоть хорошие?

– Хорошие, – заверил ее Дракон. – В отличие от сисек кухни Эммы.

– Тогда справедливо, – согласилась Принцесса. – Кстати, кухня Эмма называет их «семь холмов наслаждений».

– Стихи? – удивился Дракон.

– Сиськи, – засмеялась Принцесса. – Или «холмами семи наслаждений», какая разница.

– Огромная, – наставительно погрозил когтем Дракон, – как между Петром Сергеевичем и голосом в его голове.

В мире сгущались сумерки. Принцесса и Дракон, покуривая джойнты, играли в кости, кухня Эмма ругалась с новой личностью, Петру Сергеевичу снились семь холмов наслаждений, а Он охотился из засады на рифмы. Рифмы не замечали Его, паслись себе мирно. Ведь Он был просто бесплотным голосом в голове Петра Сергеевича.

16

– У нас появились соседи, – сообщила Дракону Принцесса.

– Да кто в эту глушь поедет, – отмахнулся Дракон.

Он развалился на куче золота и, почесывая чешуйчатое брюхо, лакомился трехсотлетней выдержки напитком.

– Сам посмотри, – пожала плечами Принцесса.

– За одну ночь воздвигли! – высунул морду из пещеры Дракон. – Все, придется переезжать.

– Может, сперва познакомимся, – предложила Принцесса, – вдруг, приличные люди?

– Поначалу все приличные, – пробурчал Дракон, сгребая золото в мешок, – пока взаимы не возьмут. А как возьмут, так начинается: «Монстр! Чудовище! Поля топчет, овины поджигает!» Станут таскаться сюда принцы да рыцари всякие. Покоя не будет.

– Ты топтал поля? – спросила Принцесса.

– Бывало.

– Здравствуйтесь, – на пороге пещеры появился мужик богатырского телосложения, – я ваш новый сосед.

– Вот! – Дракон трагически воздел к потолку лапы. – Именно об этом я и говорил! Взаимы просить пришел? Думаешь, если я дракон, то сплю на золоте?

– Ничего я не думаю, – обиделся мужик, – я к вам по сучьему велению. Обстановку разведать.

– По чьему велению? – заинтересовался Дракон.

– Жена его послала, – пояснила Принцесса.

– Точно! – закивал мужик. – Откуда вы знаете?

– От верблюда, – улыбнулась Принцесса.

– Верблюд был вроде... – задумчиво пробормотал мужик, – когда я Суку из проруби спасал.

Дракон проверил, крепко ли завязан мешок с золотом, уселся на него поудобней, достал бочку с напитком трехсотлетней выдержки и попросил рассказать про Суку с верблюдом.

Мужик долго отказывался, стеснялся, ссылался на важные дела и сучью скалку, но бочка требовательно булькала, Дракон умел уговаривать, а Принцесса скрутила джойт.

– Так и быть, расскажу, – мужик заглотнул третий стакан, поник головой и захрапел.

– И к чему нам такой сосед? – Дракон брезгливо ткнул мужика когтем.

– Не задержатся они здесь, – затянулась джойнтом Принцесса. – Если согласился на сучье веление, королем ему быть, не меньше. Или в прорубь ее обратно бросить.

– Зачем?

– Иначе не избавишься. Либо королем, либо в прорубь. Сука, она ведь несостоявшаяся Муза, потому и методы жесткие. Кто ее из проруби вытащит, того она до лучшей жизни довести обязана.

– Ага, – пожаловался сквозь храп мужик, – по сучьему велению и скалкой по спине. Но если в короли метишь, можно и потерпеть.

– Прадедушка Его Высочества того же мнения придерживался, – продолжала Принцесса. – Он стал королем, а Сука сама в прорубь кинулась. Переживал он сильно. Скучал. Привык за столько лет.

– Утонула? – осведомился Дракон.

– Сука в проруби не тонет. Она в нем, как рыба в воде. Сидит и ждет мужика подходящего. Только до короля мало кто выдерживает.

– Я выдержу, – встрепенулся мужик. – Спасибо, люди добрые, обстановку я у вас разведал.

– Пожалуйста, – ослабился Дракон.

Принцесса присела в книксене.

– У вас, правда, нет взаимы? – обернулся на выходе мужик.

– Увы, – развел лапами Дракон.

– Неправильно как-то все, – покачал головой мужик, – Принцесса без Принца, Дракон без золота, кругом глушь, верблюд какой-то... Пожалуй, съезжать отсюда надо. В город. По сучьему велению, по моему предложению...

– Очень верное решение, – обрадовался Дракон. – Только причем здесь верблюд?

– К слову пришелся, – ответил верблюд. – Я ненадолго. Кстати, у вас не найдется взаимы?

– Для верблюда найдется, – неожиданно мирно сказал Дракон. – Он ведь корабль вселенной.

– Пустыни, – поправил верблюд.

– Пусть будет кораблем вселенской пустыни, – Принцесса выдохнула дымное кольцо в потолок. – Сегодня на редкость приятный день.

Все были согласны. Кроме мужика. Он несся в короли, подгоняемый скалкой. По сучьему велению.

17

Дракон возился на куче золота, приторно курлыча.

– Слушай, – Принцесса потеряла терпение и проснулась, – может, хватит уже? Такое ощущение, будто мне снова пятнадцать, я в отцовском замке, а на балконе блудят голуби.

– Тихо! – шикнул на нее Дракон. – Разбудишь.

– Кого?

– Еще не знаю, – раздраженно буркнул Дракон.

– Только не говори, что по весне начал нестись, – ухмыльнулась Принцесса.

– Дура, – обиделся Дракон, пытаясь угнездиться поудобней.

– Ну и ладно, – Принцесса окончательно проснулась, скрутила джойнт и взглянула на Дракона в ожидании огня.

– Трут, мох, спички на выходе, – махнул лапой Дракон, утапывая золотую кучу.

– Ты не заболел, милый? – встревожилась Принцесса.

– Нет! – рявкнул Дракон. – И вообще! В пещере нездоровая атмосфера, вредная для...

– Исключительно для нас самих, – пожала плечами Принцесса.

– А как насчет него? – Дракон пошарил под объемным брюхом и извлек на свет крохотное, цвета робкой утренней зари, яйцо.

– Ахуеть, – восхищенно выдохнула Принцесса, – Оно такое... такое...

– Трогательное и беззащитное, – утер набежавшую слезу Дракон. – Утром в траве нашел.

Теперь высиживаю.

– Дай поддержать, – попросила Принцесса, протягивая ладонь.

– Руки! – оскалил клыки Дракон.

– Некоторых печальный опыт ничему не учит, – покачала головой Принцесса, – при виде яиц напрочь разум теряют.

– Ничего, мое милое, – баюкал яйцо Дракон, – не бойся, папочка не отдаст тебя никому.

Он построит замок с высоким забором и будет с тобой жить долго и счастливо.

Яйцо вдруг задрожало, пошло трещинами и...

– Блять! – возопил Дракон, сотрясая пещерные своды.

– Деточка отказалась кушать сисю? – вкрадчивым голосом спросила Принцесса.

– Это не деточка! Это малек болотного глиста!

– Уррр, – улыбнулось склизкое червеобразное создание.

– Мои родители тоже во мне разочаровались, – улыбнулась Принцесса, сажая малька на плечо. – Я назову тебя Клистира. Ты ведь девочка?

– Уррр, – глист моргнул, соглашаясь.

– Мне надо выпить, – судорожно сглотнул Дракон.

Над миром сгушались звезды. Принцесса и Дракон сидели на болотной кочке, любуясь, как весело резвится в тине Клистира.

– Обидно, – вздохнул Дракон, – почему они всегда вылупляются? Сидели бы себе в яйце, тепло, безопасно...

– И тебе спокойно, – заметила Принцесса. – Какой в этом кайф?

Дракон не ответил. Он думал. О звездах и кайфе, наверное. А, может, и нет...

18

Ранним летним утром Принцессу и Дракона разбудили громкие крики.

– Эй, Дракон! – надрывался кто-то перед входом в пещеру. – Выходи на бой! Герой пришел! Подвиг совершать!

– Пять минут еще, – сонным голосом пробормотал Дракон, сворачиваясь клубком на куче золота.

– Конец твоей власти! – не унимался Герой. – Не тиранить тебе больше невинных дев, не топтать полей, не жечь огнем поселения!

– Насчет дев, он про меня что ли? – зевнула Принцесса, потягиваясь. – Так это еще кто кого тиранит.

– Тихо, – шикнул Дракон. – Может, он подумает никого нет дома и уйдет.

– Не уйду! – радостно гаркнул Герой. – Не дождешься, сатрап!

– Ладно... – улыбка Принцессы не предвещала ничего хорошего. – Сам напросился.

– Пиздец Герою, – вздохнул Дракон.

В нем боролись жалость и злорадство. По утрам Принцесса была злее водяной змеи в период линьки.

– Тебе чего не спится? – хмуро спросила Принцесса, появляясь на пороге пещеры.

– Эээээ... – почесал всклокоченную голову озадаченный Герой, – мне бы этого... подвига.

– Зачем?

– Как зачем? – возмутился Герой. – Чтобы почет, уважение, полцарства впридачу и лавры для почитания.

– Тогда и меня в жены, – прищурилась Принцесса. – Я в нагрузку к полцарству иду. Проверь документы.

– Действительно, – приуныл Герой, разматывая похожий на рулон туалетной бумаги свиток, – принцесса одна штука, жили долго, счастливо, умерли в один день. А как вы думаете, можно без принцессы обойтись?

– Нет, – покачала головой Принцесса, – никак не возможно. Скажу по секрету, над Драконом я успела надругаться. И не единожды.

– У меня невеста есть, – чуть не заплакал Герой, – что я ей скажу?

– Дай-ка подумать, – неспеша скрутила джойнт Принцесса. – Она готовить умеет? Шить, вышивать, вязать? С веником дружит?

– Она у меня умница, – закивал Герой, – любая работа в руках спорится.

– Отлично, – Принцесса потрепала Героя по щеке. – Определим в горничные. Теперь я позову Дракона, ты его убьешь и...

– Минуточку, – перебил Герой, – это что же получается? Я ради своей невесты подвиг совершу, а ее в горничные?

– Зато тебе достанутся почет, уважение, полцарства и я.

– Не обижайтесь, – смутился Герой, – но староваты вы для меня. К тому же, с вредными привычками.

– Еще с какими! – высунул морду Дракон. – Ты не представляешь, парень, что мне придется терпеть.

– А ну, засунься обратно, не то надругаюсь! – пригрозила Принцесса.

– На цепи держит! – пожаловался Дракон из глубины пещеры. – Кормит по расписанию, непристойности заставляет исполнять.

– Ты его не слушай, – махнула рукой Принцесса. – Поупражняйся пока, а я Дракона в бой приготовлю и вещи соберу.

– Что-то мне нехорошо, – промямлил Герой. – Давайте, я как-нибудь в другой раз приду.

– Например, в пятницу, – предложил Дракон.

– Увы, – развел руками Герой, – в пятницу никак. Дела. Посевная, уборочная, трактор третий год как заглох. Я, кстати, Почетный Тракторист, у меня и медаль имеется.

– И нахрена тебе полцарства, когда трактор есть, – удивилась Принцесса. – Взял бы свою работающую невесту, посадил в кабину и увез навстречу счастью.

– А подвиг? – понурился Герой. – Я односельчанам обещал подвиг.

– Трактор почини, мутило, – посоветовал Дракон, вышивая дно винной бочке.

Герой задумался, потом лицо его просияло, он ринулся в пещеру, чуть не сбив с ног Принцессу, расцеловал Дракона и убежал в одном ему известном направлении.

– Вот и хорошо, – обняла Дракона Принцесса. – Немного посплю, а потом заставлю тебя исполнять непристойности.

– Могу прямо сейчас, – шепнул ей в ухо Дракон.

Но Принцесса уже не слушала. Она заснула. Во сне она водила на поводке трактор и награждала медалью работающую невесту Героя.

19

В пещеру вежливо постучали.

– Открыто, – рявкнула через плечо Принцесса, выдергивая из пятки Дракона бревноподобную занозу.

Дракон слабо охнул, всем видом демонстрируя страдание.

– Не может быть открыто или закрыто там, где отсутствуют двери, – прогнусил гость.

– Ты даже не представляешь, как может, – повернулась к вошедшему Принцесса. – Спроси его, он подтвердит.

Принцесса указала на Дракона, который, водрузив на нос устрашающего вида очки, разглядывал занозу на предмет опасных здоровью созданий.

– О, Великий Дракон! – гнусавый гулко рухнул на колени и аккуратно стукнулся лбом о пещерный пол. – К тебе взываю!

– Что это за придурок? – спросил Дракон.

– Он говорит со мною! – возопил гнусавый, закатывая глаза.

– Тааак... – Дракон нервно забарабанил когтями по бревну. – Он явно не биться, не свататься и не за золотом.

– За советом, – шепнула Принцесса, – с претензией, или просто попиздеть.

– В стародавние времена наш народ изнывал и страдал от ужасных жизненных тягот. Пока не появился Великий Дракон, который протянул хвост помощи и вывел из эпицентра бедствия на безопасное расстояние, – забубнил гнусавый.

– Стародавние времена, – пожал плечами Дракон. – Тогда было модно таскать за собой толпу народа. Желательно, чтобы условия проживания этого самого народа были экстремальными. Пустыня там, или вечная мерзлота...

– И уселся Великий Дракон на холм, и загородил горизонт мощными крылами, – благоговейно закатив глаза, вещал гнусавый. – Дыхание его и мудрость, льющаяся мощным потоком, сбивали с ног и лишали разума. В страхе попадал народ на землю. Лишь одному человеку удалось записать все, что говорил Великий Дракон. А наговорил он много. На тысячу сто три страницы с половиной. Мелким шрифтом.

– Случайно, не Великую Инструкцию На Все Случаи Жизни? – спросила Принцесса.

– Ее самую, – подтвердил гнусавый.

– Я не мог! – воскликнул Дракон. – Это самая нудная книга на свете. Там каждый шаг должен быть согласован с надлежащими инстанциями.

– Не очень удобно, зато дисциплинирует, – возразил гнусавый. – Наш народ живет по этой Книге не первый век. Хорошо, спокойно и стабильно. Но нашлись индивидуы, утверждающие, что Великий Дракон на самом деле сказал лишь одно слово, услышав которое, народ на время лишился разума. Слово это впоследствии было неверно истолковано, так что Величие Инструкции теперь под очень большим вопросом.

– Слово было из трех букв, – предположила Принцесса.

– Не исключено, – вздохнул гнусавый. – Совет Страшнейших лишился бороды, пытаясь угадать слово Великого Дракона, но тщетно. И тогда они снарядили Посланного. То есть меня.

– Посланный за тремя буквами. Романтично, – заметила Принцесса.

– Все это пиздеж! – фыркнул Дракон. – Искажение исторических фактов. Я ничего не говорил. Ни слова, ни полслова. Я возопил. Точнее, издал звук.

– Потрудитесь воспроизвести, – гнусаво взмолился Посланный.

– Не слишком ручаюсь за достоверное исполнение, – предупредил Дракон, – накануне я долго разминался в погребках, а на холме затянулся не в то горло.

Посланный на такие мелочи предпочел не обращать внимания. Он просительно заглядывал Дракону в пасть, ожидая, когда тот возопит. И Дракон возопил. Вернее, издал звук.

– Я ничего не понял, – откашливался в винных клубящихся парах Посланный. – Что мне делать?

– Фантазировать, – посоветовала Принцесса. – Хотя, до древнего индивида с Инструкцией тебе далеко.

– Мне всегда казалось, – чуть не плакал гнусавый, – что это должно быть величественное слово. Вроде «Восстань!», «Владей!», «Склонись!», «Убоись!», «Забей!»

– Мне нравится, – милостиво кивнул Дракон, вырезая последнее слово когтем на бревне. – Держи.

Он торжественно вложил бревно в обомлевшие руки Посланного.

– Тяжеловато для реликвии, – пожаловался гнусавый.

– Это не реликвия, а аргумент, – объяснила Принцесса. – Вдруг у кого возникнут сомнения в подлинности слова Великого Дракона.

Посланный согласился, тем более, на бревне оставалось достаточно свободного места, обратная дорога обещала быть долгой, а руки чесались делиться мудростью.

Аргумент, как рассказывали потом очевидцы, прибыл на Совет Страшнейших, испещренный странными знаками, прочитать которые в состоянии был лишь Посланный. Чем он и занялся, почти дословно процитировав Великую Инструкцию На Все Случаи Жизни.

20

– Мы приглашены на банкет, – Дракон протянул Принцессе вензелястый конверт.

– Да я после прошлого еще в себя прихожу, – простионала Принцесса. – Когда уже Диктатор жениться прекратит?

– В этот раз особый случай, – сказал Дракон. – Он выборы объявил.

– Невесты?

– Главы государства.

– У него, что там, совсем баб не осталось приличных? – поинтересовалась Принцесса.

– С бабами порядок, – успокоил Дракон. – Ему хочется, чтобы народ слово свое сказал.

– Кому? – удивилась Принцесса.

– Ну, типа, волю изъявил, – объяснил Дракон. – Диктатор в командировку съездил в дальние страны, идей разных инновационных нахватался, вот и решил внедрять.

– И много у него кандидатов? – спросила Принцесса.

– Один. Сам Диктатор, естественно.

– Небогат выбор, – ухмыльнулась Принцесса, скручивая джойнт.

– Наоборот! – возразил Дракон. – Или явка с последующим празднованием, или на кол.

А то и похуже.

– Куда уж хуже?

– Разве я не рассказывал тебе о Петре Семеновиче? – Дракон чиркнул когтем о камень, высекая искру.

– Не припоминаю, – прикурила Принцесса.

– У избирающихся на любые должности очень ранимая душа, – начал Дракон, – а Петр Семенович был избирателем. Отменным, надо сказать. Ни одних выборов не пропускал. Но однажды случился с ним конфуз. Прямо на подступах к избирательной урне. Он засел в бли-

жайших кустах и просрал выборы. В буквальном смысле. А кандидату, за которого собирался голосовать Петр Семенович, не хватило одного-единственного голоса, чтобы избраться.

– А куда избирался кандидат? – полюбопытствовала Принцесса.

– Хрен его знает, не в этом дело, – отмахнулся Дракон. – Кандидат с расстройства напился яду, помер и принялся бедному Петру Сидоровичу являться, всячески его укоряя и совестя. Чем довел мужика до нервного срыва, недержания, тремора конечностей и непроизвольного семяизвержения в общественном транспорте.

– Грустно, – выдохнула Принцесса дымное кольцо. – Придется идти, иначе расстроится до смерти.

– Вот и я говорю, – согласился Дракон. – Тем более, погреб у него отменные.

У дворца Диктатора толпился народ, изъявляя волю. На кол желающих не нашлось.

21

Дракон и Принцесса третий день безвылазно сидели в пещере и почти не разговаривали. Им отлично молчалось вместе. На улице накрапывал унылый дождик, Принцесса перебирала старые письма, а Дракон лежал в анабиозе, готовясь менять чешую. Внезапно их покой нарушила появившаяся в пещерном проеме фигура. С ног до головы в мокрой глине, она производила впечатление голема, сбежавшего из гончарной мастерской.

– Он здесь! – возопила фигура, отряхиваясь на собачий манер. —Я чувствую!

– Конечно, здесь, – смахивая со лба грязные капли, уронила Принцесса. – Линяет по осени. У вас к нему какое-то дело?

– Дура! – рявкнул големоподобный. – Кому нужна твоя ручная рептилия?! Я пришел за ним!

Он указал на пещерную стену, где висела полка, на которой Дракон хранил кулинарные специи.

Принцесса отложила в сторону связку писем и взглянула на него. Худощавый высокий человек, одет в черное, нос пуговкой, пухлый рот, целеустремленная борода, умный лоб, только вот глаза... С глазами было что-то не так.

– Светятся неугасимым фанатичным огнем, – подсказал Дракон. – А на полке уже второй час сидит призрак.

– Нормально... – Принцесса скрутила джойнт. – И почему я только сейчас об этом узнаю?

– Да он безобидный и тихий, – ответил, почесывая спину о пещерный выступ, Дракон, – просто этого боится. Как его?

– Экзо-Рцыз-зда, – поклонился вошедший.

Принцесса затянулась поглубже и выдохнула сизый дым в сторону полки. Среди специй заколыхался пухлый добродушный силуэт.

– Ага! – радостно ткнул в него пальцем Экзо-Рцыз-зд. – Теперь не уйдешь!

Он пошарил в складках плаща, извлекая погнутую загаженную птичью клетку.

– Милости прошу, господин призрак.

– И не подумаю, – показал язык призрак.

– Посмотрим, – ухмыльнулся Экзо-Рцыз-зд и запел.

Стены пещеры задрожали, с Дракона обвалилась старая чешуя, призрак в панике зарылся в кучу золота, а Принцесса сунула недокуренный джойнт в разинутый экзо-рцыз-зский рот.

Экзо-Рцыз-зд, кашляя, повалился на пол.

– Тебе надо на состязание голосом, – посоветовала Принцесса. – Многого добьешься.

– Думаете, я не пробовал? – заныл Экзо-Рцыз-зд. – Меня на отборе зарубило компетентное жюри, сказали, тебе только привидений гонять в мир иной. Чем я и занялся. Небезуспешно, между прочим.

– А я не хочу в мир иной, – подал голос призрак. – Я еще при жизни верил, что буду жить вечно. Здесь.

– Ты будешь, может быть, спорить, что каждому воздается по вере его? – нахмурился Дракон, блестя новехонькой чешуей в лицо Экзо-Рцыз-зду.

– Нууу... – замылся Экзо-Рцыз-зд.

– Я Диктатору напишу, – пообещала Принцесса. – Он на компетентное жюри влияние имеет. Финалистом конкурса станешь.

– Соглашайся, – сказал призрак. – Я на все твои концерты ходить буду.

– Так и быть – скрывая радость, согласился Экзо-Рцыз-зд. – Только вы прямо сейчас пишите, я письмо Диктатору лично доставлю. Почта у нас ненадежная, мало ли что в дороге случится.

– Конечно, – елеино улыбнулась Принцесса, обмакивая перо феникса в драконью кровь.

– А его на кол не посадят? – переживал на ухо Дракону призрак, после того, как Экзо-Рцыз-зд, приплясывая, удалился. – Неизвестно, что она там написала.

– Всякое может быть, – пожал плечами Дракон. – К Диктатору по осени лучше не лезть.

– Ко мне тоже, – предупредила Принцесса.

– Тссс... – шепнул призраку Дракон.

Призрак кивнул и залез на полку со специями.

Им всем отлично замолчалось вместе.

22

– Из реки выловил, – Дракон втащил в пещеру насквозь мокрого мужика. – Всегда так, только я порыбачить, они сразу топиться со страху. А я ведь даже не предпринял попытки заговорить.

– Изыди, чудовище, кричал? – поинтересовалась Принцесса, сдерживая улыбку.

– Не знаю, – проворчал Дракон. – Скорее всего, кричал, только я настолько к этому привык, что предпочитаю не замечать. Тяжело быть монстром.

– Да что вы знаете о монстрах, – очнулся мужик. – Тоже мне, чудовище, когтистая рептилия с крыльями. В дедушкином замке тараканы страшнее!

– Зачем тогда в воду прыгал? Купаться? – оскалился на мужика Дракон.

– Я сидел, наслаждаясь речными видами, размышлял о своей судьбе, когда этот, – обвиняющее ткнул в драконью морду пальцем мужик, – с позволения сказать, индивид, дыхнул в мою сторону.

– Огнем? – удивилась Принцесса.

– Хуже, – поморщился мужик. – Не знаю, что предпочитает пить эта тварь, но сознание я потерял.

– То есть, ты не со страху? – обрадовался Дракон. – Не такой уж я и монстр, как выясняется.

– Конечно, нет, – погладила его по голове Принцесса. – Монстры злые, глупые и противные.

– И с извращенным чувством юмора. – добавил мужик. – Вроде дедушки моего, господина Синяя Борода, чтоб ему!

– То-то я гляжу, физиономия знакомая. – прищурилась Принцесса, – Семейное сходство, определенно, прослеживается. Как здоровье дедушки?

– Он вас замуж звал? – поинтересовался мужик.

– Гостил пару раз в нашем семейном замке, – ответила Принцесса. – В бороде его однажды заплутала крыса. Мы ее по компасу ориентировали. Было весело.

– Помер дедушка, – вздохнул мужик. – Вернее, не то, чтобы помер... Запутанная история.

– Мы любим истории, – подбодрил его Дракон.

– Тогда налейте, что пьет рептилия, и я расскажу.

Дракон выкатил из закромов дубовую бочку.

– Все знают историю Синей Бороды, – начал мужик. – Комнаты, ключи, красавица-невеста, строгий наказ не открывать каморку на чердаке, любопытство, истерика, таинственное исчезновение, новая невеста и так по кругу. Бабы такие дуры!

– А не надо давать ключи, – ехидно улыбнулась Принцесса.

– Это вопрос доверия, – возразил мужик. – Как бы то ни было, дедушке вся эта свистопляска надоела, и он сказал, что умер. Перебрался в каморку на чердаке, которую запрещал невестам открывать, и принялся вести призрачное существование. Греметь цепями, стонать и посещать в ночи винный погреб. А мне в наследство оставил замок, все содержимое и еще... вот...

Мужик порылся в кармане и извлек нечесаную колтунатую бороду ультрамаринового цвета.

– Какая прелесть! – восхитилась Принцесса, запуская пальцы в бороду. – Ой... крыса выход так и не нашла. Или это уже другой грызун?

– Издеваешься, – горько усмехнулся мужик, протягивая Дракону пустой бокал. – Мне эта борода всю жизнь поломала. Не далее, как вчера.

– С виду безобидная, – заметил Дракон.

– Я познакомился с женщиной, – вздохнул мужик. – Идеал, образец изящества, красоты, а что она вытворяла в постели!

– Подробности, – щедро плеснул в бокал из бочки Дракон.

– Не стоит, – выдохнула в потолок Принцесса.

– Мы поженились, я по семейной традиции снабдил ее ключами от всех замковых дверей, дал наказ не открывать ту, что на чердаке и отбыл на подвиги. На самом деле, опять же, по семейной традиции, я спрятался в овине, чтобы наблюдать.

– Я понял! – Дракон хлопнул себя по лбу, стены пещеры сотряслись. – Комната на чердаке символизирует внутренний мир, сокровенное, так сказать, тщательно оберегаемое.

– Иди в психоаналитики, – фыркнул мужик.

– Стоило тебе закопаться в овин, как барышня вскрыла чердачную дверь, – продолжал Дракон, – и...

– Дедушка сволочь, – понурил голову мужик. – Поэтому я отцепил бороду, разочаровался во всем, и ушел искать себя, куда глаза глядят. Когда-нибудь им станет стыдно.

– Вряд ли, – заметила Принцесса. – А даже если станет, тебе от этого не легче.

– Я б не напрягался, – Дракон с наслаждением растянулся на куче золота. – Оформил замок домом —музеем с привидениями, бороду пристроил работать дверным ковриком, устраивал бы поэтические вечера в погребах...

– Не самая плохая мысль, – пожала плечами Принцесса.

– А как же традиции? – не очень уверенно возмутился мужик.

– Традиции чтить! – торжественно изрек Дракон.

– На это я пока не готов. Пойду лучше искать себя. Свободен я или нет?!

– Нууу... – вздохнул Дракон.

– Свободен! – приказала Принцесса.

Мужик немедленно испарился в дверной проем.

– Бороду забыл, – сказал Дракон.

– Мы приколотим ее к стенке на долгую память, – ответила Принцесса.

Так и сделали. Борода не возражала.

23

Дракон ввалился в пещеру, пошатываясь, шумно выдыхая алкогольные пары и волоча за собой хвост, в который накрепко вцепился какой-то гражданин.

– Фи, – поморщилась Принцесса.

– Что поделать, милая, – икнул Дракон, – всегда любил напиваться в кабаках.

– Я об этом, – указала на гражданина Принцесса.

– Варфоломей, – не отпуская хвоста, представился гражданин. – Кабатчик. Ваша скотина мне должна деньги.

– Натурой, полагаю, вы брать отказались, – усмехнулась Принцесса, скручивая джойнт.

– Не понял? – забеспокоился гражданин.

– Даже не предлагал, – в голосе Дракона слышалась обида. – Ну какой из него герой?

– Я не идиот, – фыркнул кабатчик. – Оно, конечно, заманчиво, мощная реклама заведения, репутация и все такое, а вот как появится реальная угроза? Они же ведь ко мне придут, как к герою. За помощью.

– Конечно, – согласилась Принцесса.

– Вот и нахрен мне такого не надо, – сказал кабатчик, – золотом возьму.

– Умный парень, – вздохнул Дракон. – В любой теме подкован. Слышала бы ты, как он о мироустройстве рассуждает.

– Когда-нибудь обязательно посвящу этому свободный вечерок, – ухмыльнулась Принцесса, выдыхая в потолок дымное кольцо. – Кстати, о мироустройстве. Диктатор письмо прислал. Казнь у него сегодня. Приглашал посмотреть.

– Как интересно! – Варфоломей отпустил драконий хвост и подполз поближе. – Допрыгался, гад. Так ему и надо.

– Как и любой диктатор, – пожала плечами Принцесса. – Он знал, на что идет, вот и не жалуется. Наоборот, вечеринку закатил по такому случаю.

– Вот дурень! – засмеялся кабатчик. – Да я бы на его месте...

Принцесса и Дракон так и не узнали, что бы сделал на месте Диктатора рассудительный кабатчик. Не успев закончить фразу, Варфоломей в буквальном смысле растворился в воздухе, а на его месте возник Диктатор в расшитой золотом пижаме и тапочках с алмазным напылением.

– Твою ж мать! – зажмурился Дракон.

– Не ожидал, что так быстро работает, – удивленно огляделся по сторонам Диктатор. – Так кто же счастливчик, сказавший заветную фразу?

– Что работает? – спросила Принцесса.

– Заклятье, – ответил Диктатор. – Мы в волшебном мире живем, правильно? У нас тут кого только нет, принцессы, драконы, герои, болотные упыри, ведьмы, петры сидоровичи всякие, домовые, бытовые, еще эти... как их... мозгоёбы.

– Последние составляют процентов шестьдесят населения волшебного мира, – уточнил Дракон.

– Вот именно, – кивнул Диктатор. – Так вот... прабабушка моя была ведьмой. Она и наложила залятье на весь наш диктаторский род по мужской линии. Оно срабатывает, если диктатору угрожает смертельная опасность. Типа казни. На которую я вам, кстати, прислал билеты. Всего лишь следует пожелать оказаться на моем месте.

– Так кабатчик вроде не желал, – заметил Дракон. – Он просто так выразился.

– А надо следить за словами, – ухмыльнулся Диктатор. – Особенно в такое беспокойное для меня время.

– Не поспоришь, – вздохнула Принцесса.

– Получается, если кто-то сейчас на моем месте, то я на чужом, – заключил Диктатор. – И на чем же?

– Варфоломей, владелец местного кабака, – ответил Дракон. – Я ему слегка задолжал.

– Отлично, – похлопал Дракона по чешуйчатой спине Диктатор. – Натурой возьму.

Но чуть позже. Войду в курс дела, свыкнусь с новым положением, дальше видно будет.

– Начнешь новую жизнь? – прищурилась Принцесса.

– В мире полно мест, где требуется хороший диктатор, – пожал плечами Диктатор.

– Ну да, – кивнул Дракон, – у нас ведь волшебный мир. Всем место найдется.

Кабатчик Варфоломей стоял перед толпой на площади с веревкой на шее и рассуждал о мироустройстве.

Казнь отложили, а потом и вовсе замяли.

24

Недалеко от входа в пещеру ранним солнечным утром Принцесса собирала грибы. Из высокой травы, растущей в изобилии вокруг, слышалось шипение.

– Этот голос мне знаком, – поигрывая ножиком, сказала Принцесса.

– Разумеется, – из травы выполз змееподобный гражданин. – Я Его Высочество лечил от неумемного пристрастия к фрейлинам и алкогольным напиткам.

– И не сильно преуспели, надо сказать, – лучезарно улыбнулась Принцесса.

– В этом нет его вины, – высунул голову из пещеры Дракон. – Его высочество никогда не считал свои пристрастия проблемой. Это у окружающих были проблемы с его пристрастиями. Вот и вызвали Психо-дел-Мастера. Его в погребках не пои, дай покопаться в чужой внутренней природе.

– Хотите поговорить? – услужливо выгнулся змееподобный.

– Нет, – зевнул Дракон.

– А я вот очень хочу, ибо разрабатываю новую программу психологической помощи, основанной на опыте мифических существ. Опросил уже пару упырей, русалку, семейство домовых, девяносто голов стоголовой гидры, хвост уробороса и кота шредингера.

– И что же, все ответили? – поинтересовалась Принцесса.

– Даже слушать не стали, – вздохнул Психо-дел-Мастер, – сказали, что живут в гармонии со своей внутренней природой и проблем не испытывают. А как достигают этой самой гармонии, сообщать отказались.

– Не повезло.

Принцесса поставила корзину с грибами на землю перед драконьей мордой. Тот принялся энергично жевать.

– После неудачи с Его Высочеством моя репутация сильно пострадала, – умоляюще сложил руки змееподобный. – Люди и другие сущности больше не хотят пускать меня к себе в голову. А я без этого не могу. Прямо как стервятник без падали. Чахну. Начинаются проблемы с внутренней природой. Раздражительность, равнодушие, упадок, депрессия.

– Хмммм... – задумчиво проговорил Дракон. – Если я чувствую нечто подобное, то иду искать героя и договариваюсь с ним к обоюдному удовольствию.

– Каким образом? – заинтересовался Психо-дел-Мастер, доставая из кармана пухлый блокнот и огрызок карандаша.

– Видите ли, все герои хотят быть не просто живыми, а еще красивыми, здоровыми и с конечностями, – пояснил Дракон. – При этом победителями и персонажами из летописей. Не говоря уже о том, что если в одном случае из миллиарда повезет убить дракона, тащить вещественные доказательства его кончины за тридевять земель весьма затруднительно.

– Понял, – кивнул Психо —дел-Мастер. – Герой седлает дракона и летит в какое-нибудь королевство за славой, денежным вознаграждением и удачной женитьбой.

– Именно, – подтвердил Дракон.

– А какова выгода дракона? – склонил голову Психо-дел-Мастер.

– Во всех отношениях приятная, – ответил Дракон. – Правитель королевства обязательно на всю башку деспот, нормальному человеку в голову не придет призывать к убийству невинного мифического животного. При виде дракона он впадает в экстаз, приятно ведь, что такое огромное грозное создание вдруг оказалось трусливым уёбищем. Он приказывает заковать животное в цепи. Всячески унижает, обижает и выставляет на показ при каждом удобном случае. Не бесплатно, естественно. Дракон мужественно терпит лишения, тем более, обязательно найдется сердобольная девственница, стремящаяся облегчить страдания несчастного. У правителя, меж тем, постепенно сносит голову от власти над безответным существом, и пытки его, вкупе с моральными издевательствами, становятся все изощреннее и гаже. Апофеозом беспредела – циничное убийство сочувствующей животному девственницы. Дракон получает ментальный хаос, из которого впоследствии родится порядок.

– Замечательно! – Затряс лапу Дракону в благодарном рукопожатии Психо-дел-Мастер. – Я назову программу «До последней черты». Через страдания к счастью.

Он подхватил блокнот, съел карандаш и убежал.

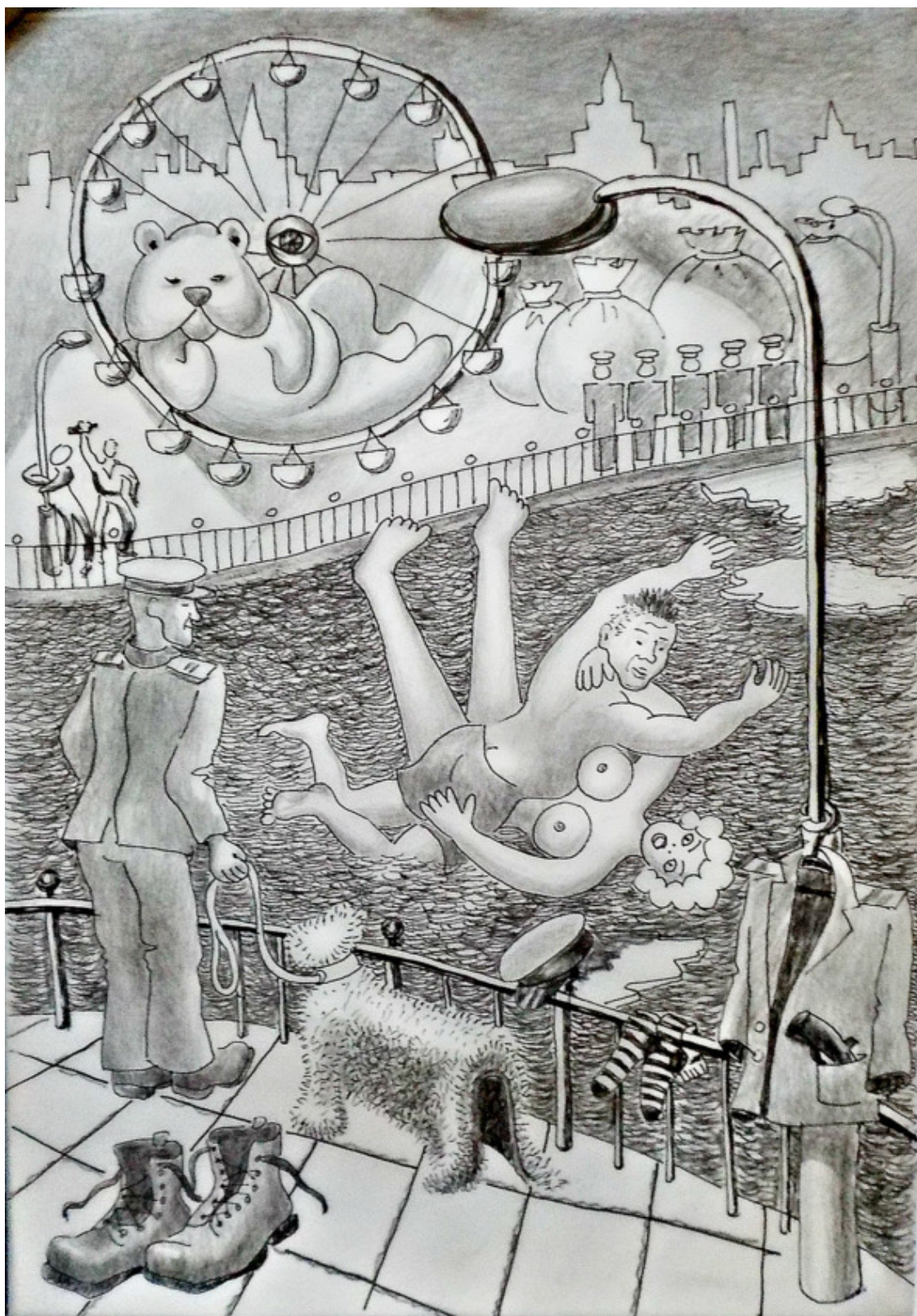
– Никогда не дослушают до конца, – пожаловался Дракон Принцессе. – Все это лишь прелюдия. Для того, чтобы поэффектней сорваться с цепи, вытоптать поля, до полусмерти напугать девственниц и откусить голову правителю.

– К чему такие сложности? – скрутила джойнт Принцесса.

– Должна быть история, – ответил Дракон. – Мотивация, чтобы поля топтать и все остальное. Иначе скучно. И никакой гармонии с внутренней природой.

– Еще грибов? – спросила Принцесса, выдыхая сладковатый дым в небо.

– Пожалуй, – согласился Дракон.

Иван Иванович

29 эпизодов

1

Иван Иванович стоял на берегу затянутого ряской болотца и прикидывал, выдержит ли его шаткий деревянный мостик. Напротив темнели остроконечные крыши. В наступающих сумерках они казались горными вершинами.

– Не ходи туда, – зловеще зашептал в камышах ветер, – или утащит тебя болотный упырь.

– Любопытно... – пробормотал Иван Иванович, – упырь это интересно.

– Да что ты говоришь!

Камыши зашуршали, взволновались, и к ногам Ивана Ивановича выкатилось скользкое жабоподобное существо размером чуть больше кошки.

– Знаешь, почему меня упырем называют?

– Нет, – признался Иван Иванович, разглядывая упыря.

Бородавчатая кожа, перепончатые лапы и внимательные, цвета распутной кувшинки, круглые глаза.

– Потому что я упертый. Вот упрусь, как баран, и все тут. До конца буду на своем стоять. Еще упырять могу до обморока, если что.

– В смысле, крови выпить? – поинтересовался Иван Иванович.

– В смысле, длинным и острым предметом, – усмехнулся упырь.

– Ты меня не пугай, – строго сказал Иван Иванович, – я с дедом Пихто знаком, слышал про такого? Вот он любитель пихтов напихать до смерти. А меня не трогает, потому что я к нему с уважением. К тебе, между прочим, тоже.

– Ооооо, – уважительно протянул упырь, – это все меняет. Раз Пихто принципами поступил, то и я могу. Ты зачем сюда приперся?

– Да низачем, просто шел мимо. Теперь хочу посмотреть, что на том берегу.

– Нет там ничего. Деревня заброшенная. Ты лучше днем приходи, а то они скоро проснутся и стенать примутся.

– Кто? – удивился Иван Иванович.

– Дома, – махнул в сторону острых крыш упырь. – И, главное, жалобно так, надрывно, каждую ночь слушаю и рыдаю.

– Никогда не думал, что дома так умеют.

– Откуда тебе? Ваши городские бетонки в вечном анабиозе пребывают.

Упырь помолчал, потом протянул Ивану Ивановичу холодную скользкую лапу.

– Пойдем, увидишь сам.

Иван Иванович шагнул было на мостик, но упырь дернул его за руку:

– Вброд перейдем. Я в середину моста гнилых бревен положил. Как раз над зыбучей трясиной. Чтобы не шлялись кто попало.

– А много шляется?

– Да нет... ты первый.

В наступающей ночи Иван Иванович вдруг услышал стон. Скорбный и тоскливый. Упырь тихонько заскулил.

– Что с ними случилось? – спросил Иван Иванович, чувствуя, что хочет выть от тоски.

– Перейдем, расскажу, – ответил упырь, увлекая Ивана Ивановича за собой в болото. – Тут не глубоко, тебе по колено, а я переплыву.

Он нырнул в вязкую жижу. Иван Иванович вздохнул и пошел следом.

На берегу его встретили темные силуэты стоящих в ряд домов и умывающийся на кошачий манер, упырь.

– Их осталось всего семь, – сказал упырь.

Его глаза светились в темноте желтым и были похожи на две маленькие луны.

– Они оплакивают ушедших. Слушай, что я тебе расскажу. Когда человек строит себе дом, то отдает ему часть себя. Потом в нем живут его дети и дети их детей. Они любят его, заботятся, и дом живет. Ночами на чердаке шушукаются старые вещи, скрипят ступеньки, ветер флиртует с оконными рамами, домовый гнездо свивает, ну и всякое такое. Иногда люди оставляют свои дома насовсем и уходят. Тогда дома снимаются с насиженного места и улетают.

– А почему эти не улетели?

– Они не могут. Помнишь песенку «Гном и дом»?

– Гном приходит, дома нет, дом приходит гнома нет, – напел Иван Иванович.

– Типа того, – усмехнулся упырь. – На самом деле, дома узнавали, что могут летать только тогда, когда люди их покидали. Но один гном просветил свой дом на этот счет и отпускал полетать во время своих отлучек. Все было хорошо, только однажды дом не вернулся. Поговаривали, что он улетел со стаей брошенных домов. Гном погоревал, построил новый и привязал его к баобабу.

– Как к баобабу?

– Веревкой. Чтобы не улетел. Другие, глядя на него, тоже так стали делать. С тех пор дома и не летают.

– Как ужасно, – прошептал Иван Иванович. – Они стоят здесь долгие годы, рассыпаясь в прах, без всякой надежды.

– Точно, – всхлипнул упырь. – Все веревки ведут к баобабу. Найти бы его и отвязать их. Только я далеко не уйду, мне без болота никак. Усохнуть могу.

– Если на одном конце веревки баобаба, а на другом дом, надо отвязать тот, который к дому привязан. Это проще, чем баобаба искать, – сказал Иван Иванович.

– Я в погреб не полез, – замахал лапами упырь.

– Не лезь, – пожал плечами Иван Иванович. – Посветить хоть сможешь? Вон глазищи как горят.

Упырь помялся немного и согласился.

Иван Иванович медленно пошел вдоль домов. Ему казалось, что они наблюдают и перешептываются за его спиной. Упырь вцепился в рукав куртки Ивана Ивановича.

– Ты уверен, что в погребах?

– Поверху ведь не протянешь, далеко, баобабы в наших краях не растут.

– Понятно...

Иван Иванович остановился у покосившейся двери. Она открылась, скрипя ржавыми петлями.

Глаза упыря бегали по стенам, как два карманных фонарика. Иван Иванович спустился в погреб. Веревка, привязавшая дом к далекому баобабу, оказалась крепкой и с хитрым узлом.

– Нож нужен, – крикнул Иван Иванович.

– Где ж я его найду? – отозвался упырь.

– Ну, пошарь там. Или спускайся, перегрызешь. У тебя зубы острые?

– Как у бобра, – похвастался упырь. – Только я боюсь. Глубоко.

– А ты представь, будто в болото ныряешь родное, – посоветовал Иван Иванович. – Я тебя поймаю, только глаза не закрывай.

Упырь долго возился и сопел наверху, прежде чем прыгнуть.

– Лестницу ты, конечно, не заметил.

У Ивана Ивановича было ощущение, будто он прижимает к себе большой кусок мокрого мыла.

– Сам сказал, поймаешь.

Упырь соскользнул на землю. Зубы у него действительно оказались острые.

Когда была перегрызена последняя веревка, Иван Иванович с упырем выбрались наружу. Над их головами зажигались звезды и восходила луна. Дома вдруг встрепенулись, оторвались от земли и плавно поднялись в воздух.

– Курлычут, – умилился упырь, – чисто журавли.

Иван Иванович смотрел, как дома ровным клином летят все выше, взмахивая крышами, словно крыльями. Когда они скрылись из виду, он попрощался с упырем и пошел дальше, обещав при встрече передать привет деду Пихто.

2

Иван Иванович, беспечно насвистывая, шел через лес. Темные нависшие кроны не пугали его, равно как не пугал приближающийся надсадный волчий вой. Иван Иванович знал, с людьми договориться сложнее, поэтому не боялся. Вой становился все ближе и громче.

Под деревом, наполовину скрытый искареженными зимней наледью ветками, сидел волк. Худой, матерый и очень одинокий.

– Хреново? – спросил Иван Иванович, заходя сбоку.

– Не то слово, – ответил волк и завыл.

– Я думал, волки воют на луну, – сказал Иван Иванович, – а сейчас вроде день.

Он присел на корточки и заглянул зверю в глаза. Тот подобрался, оскалив желтые полуманые клыки.

– Я вообще-то не совсем волк, я пес. Проходил бы ты мимо, мужик, вдруг укушу ненароком.

– А можно я тоже? – Иван Иванович привалился к дереву напротив. – Повойо...

– Не вопрос, – равнодушно откликнулся зверь. – Хотя, будешь выглядеть идиотом.

– А мне не важно, – улыбнулся Иван Иванович. – Просто хочется...

– Не боишься? – ощерился волк.

– Идиотом выглядеть? – спросил Иван Иванович. – Нет. Да и вообще...

– Зачем тогда тебе быть? – волк почесал за ухом. – Коли не боишься ничего?

– Бывает, – пожал плечами Иван Иванович, – когда тоскливо...

– Странный ты. И на людей не похож.

– Почему не похож? – Иван Иванович достал сигарету. – Такой же, как и все. Руки, ноги, голова.

– Нет, – ответил волк, – я людей знаю. Я жил с человеком.

– Ну и как? – Иван Иванович выдохнул в кроны дымное кольцо.

– Хорошо... – волк прикрыл глаза. – Только недолго. Однажды приехала машина с красным крестом на боку и увезла его. А я ждал. И жду до сих пор.

– Не хочу тебя расстраивать, – вздохнул Иван Иванович, – но он вряд ли вернется.

– Я знаю! Чувствую! – рявкнул волк. – Извини...

– Знаешь, – Иван Иванович глубоко затянулся сигаретой, достал из кармана фляжку и отхлебнул, – давно, в детстве еще, я подобрал на улице щенка, принес домой, а отец сказал, что это большая ответственность. И что я не справлюсь. Потому что маленький. А ему не нужно... У него и так есть за что отвечать. Он взял щенка и отнес обратно. Я не мог ничего сделать. Просто плакал всю ночь, пока не заснул.

– И что потом? – поинтересовался волк.

– Проснулся. Решил, что стану самым ответственным в мире, и всем докажу...

– Что докажешь?

– Не знаю. Я ведь так и не сумел...

– Ты куда идешь? – спросил волк.

- Просто иду, – Иван Иванович протянул руку. – Можно я тебя поглажу?
- Можно, – волк наклонил косматую голову, – только у меня блохи.
- Думаю, они не будут возражать.
- Я с тобой пойду. Просто рядом. Не бойся, отвечать за меня не надо.
- Твой выбор, – сказал Иван Иванович.

Иван Иванович шел по пыльной дороге, волк трусил следом. Ему больше не хотелось выть без луны.

3

Иван Иванович прилег на траву и закурил, глядя в небо. Прошедший мимо бодрый почтальон проворчал что-то про «на дороге валяются» и, достав из новенькой сумки белый конверт, без сожаления выкинул в канаву.

- Эй! – окликнул Иван Иванович удаляющуюся форменную спину. – Письмецо потеряли!
- Отвали, бомжара, – скорчил брезгливую гримасу почтальон, продолжая свой путь.

Иван Иванович наклонился поднять конверт. На нем не было марки и адреса получателя. Лишь две буквы. Е. С. Иван Иванович не читал чужих писем. Он запомнил адрес отправителя и спрятал письмо в карман. Докурил и пошел вперед.

У линиялых дверей покосившегося дома он остановился и позвонил в звонок.

- Открыто! – ответили ему хриплым голосом.
- Извините, – Иван Иванович открыл дверь и оказался в прохладном полумраке комнаты. – Я вам письмо принес.
- Счета... Бросьте где-нибудь, – у стены в инвалидном кресле сидел пожилой мужчина.
- Нет, это ваше письмо. Почтальон выкинул его в канаву. Вы забыли наклеить марку и указать адрес получателя.

– Не забыл, – усмехнулся человек. – Я не знаю адреса. Хотите выпить?

– Пожалуй... – кивнул Иван Иванович.

– Бар в соседней комнате, – махнул рукой человек, – а мне плесните водки, ежели не затруднит.

– Не затруднит, – улыбнулся Иван Иванович, протягивая хозяину дома стакан.

– Гадость какая... – мужчина сделал осторожный глоток и поморщился. – Вообще-то предпочитаю бурбон, но он закончился.

Иван Иванович крутил в руках свой стакан, не решаясь задать вопрос.

– Вы, наверное, думаете, я выжил из ума, – спросил человек, – раз пишу неизвестно кому неизвестно куда?

– Да нет, – ответил Иван Иванович, – не думаю. Раз пишете, значит, есть причина. Просто письмо ваше не дойдет. Почтальон ведь не волшебник.

– Это неважно... – мужчина отхлебнул еще водки. – Я уже много лет пишу ей письма. И буду писать... привык, наверное...

– Кто она? – спросил Иван Иванович.

– Да я и не знаю толком. Однажды она пришла ко мне в дом и осталась. Потом ушла. Так же внезапно, как и появилась. А я пишу эти письма, потому что не могу забыть ее, да и не хочу.

Ивану Ивановичу стало грустно. Он вздохнул, одним махом выпил стакан и взял в руки конверт.

– Знаете что, – сказал он, – я доставлю ваше письмо. Вдруг она ждет?

– А вы сможете? – с надеждой спросил человек.

– Я много чего могу, – улыбнулся Иван Иванович. – Почти все. Если хочу.

– Тогда удачи вам, – шепнул человек.

Иван Иванович знал, что шансы встретить загадочную женщину ничтожно малы. Но все таки есть. Просто нужно идти по дороге.

В старом доме над листом бумаги склонился пожилой человек в инвалидном кресле. Он снова писал письмо. Чтобы почувствовать себя живым.

4

Мелкий осенний дождик, серенькое небо и грустные листья наводили Ивана Ивановича на размышления о горячем чае. Он пришел в этот город на рассвете. Узенькие улочки и прижавшиеся друг к другу аккуратные «пряничные» домики с флюгерами на черепичных крышах еще не проснулись. Иван Иванович брел, не обращая внимания на промокшую одежду. Иногда он протягивал руку, приглашая холодные дождевые капли на ладонь. Когда набиралось достаточно, он пил их, немного согретых, и озноб ненадолго отступал.

Вдруг Иван Иванович услышал нежный перезвон колокольчика. Дверь одного домика приоткрылась.

– Вы промокли, – раздался участливый женский голос, – не хотите выпить чаю?

– Я бы рад, – улыбнулся Иван Иванович, – но мне нечем вам заплатить.

– Какие пустяки! Заходите скорее.

Иван Иванович решил, что отказывать невежливо, особенно женщине.

В маленькой комнатке было уютно, потрескивали дрова в камине, и седенькая юркая старушка наливала в глиняную кружку дымящийся ароматный чай.

Иван Иванович присел поближе к огню, с наслаждением сделал глоток и почувствовал, как возвращаются силы идти дальше.

– Дед моего покойного мужа владел этой чайной, – сказала старушка. – Он никогда не брал плату с путников. А в нашей семье всегда чттили традиции.

– Спасибо вам, – ответил Иван Иванович. – Традиции, особенно такие, большая редкость. Но я все же хотел бы отблагодарить вас. Я ведь почти все могу.

Старушка покачала головой.

– Мне ничего не нужно. Я прожила счастливую жизнь. Хотя... – она указала Ивану Ивановичу на противоположную стену, – видите чайники?

– Да, – кивнул Иван Иванович, – очень необычные. И такие разные. Вы их сами делаете?

– Нет, – ответила старушка, – их делали путешественники, что в разные времена заходили сюда. Каждый из них вкладывал в свою работу частичку себя. Выпив из такого чайника, узнаешь, чем была наполнена их душа. Если хотите, можете тоже сделать, а я потом обожгу и поставлю рядом с остальными.

– Боюсь, у меня не получится, – засомневался Иван Иванович.

– А вы попробуйте, – озорно подмигнула старушка. – Что-нибудь да выйдет.

– Действительно... – улыбнулся Иван Иванович, разминая пальцами кусок глины, – почему бы и нет...

Чайник получился кривенький, простой, без узоров. Дождь на улице закончился, Иван Иванович попрощался с хозяйкой чайной и ушел. Его ждала дорога.

– Свобода... – тихо сказала старушка, бережно держа в руках чайник и глядя вслед Ивану Ивановичу. — Величайшая драгоценность...

5

Иван Иванович устал. Он так давно был в пути, что забыл, куда и зачем идет. Поэтому просто упал у пруда в ночную траву на окраине неизвестного города. Мыслей не было. В темном небе последний раз вспыхнула, чтобы погаснуть, звезда. Иван Иванович невесело усмехнулся и закрыл глаза.

– Один, два, три, – услышал он, – четыре, пять.

Иван Иванович вздохнул и повернулся на голос.

На турнике поодаль болталось чудовище. Водяное. Иван Иванович сразу опознал его по перепончатым лапам и характерному запаху подтухающей с головы рыбы.

– Что, дружок, спортом занимаемся? – вежливо спросил Иван Иванович.

Ответом ему был испуганный всплеск и рябь на воде.

– Эй, – позвал Иван Иванович, – ты... это... извини... Представь, что меня здесь нет.

– Легко сказать, – ответило чудовище, сверкая глазами из темных вод. – Только стесняюсь я очень. И вообще...

– Ну ладно, – пожал плечами Иван Иванович, – тогда можно я искупаюсь? Перед дальней дорогой.

– Если тебе не противно соседство со мной, тогда конечно, – откликнулось чудовище.

– Не противно, – улыбнулся Иван Иванович, – всякое видал.

Теплая вода успокаивала и расслабляла. Иван Иванович плавал, а чудовище нарезало вокруг него тихие круги.

– Скажи, куда ты идешь? – спросило оно, когда Иван Иванович, устав, позволил неспешному течению нести его в никуда.

– Да так, – ответил Иван Иванович. – Просто иду. Это ведь лучше, чем стоять на месте.

– Хорошо тебе, – вздохнуло чудовище, – а вот я не могу никуда. Земноводное я. Не живу без воды.

– Каждому свое.

– Может, останешься? – предложило чудовище. – Могли бы подружиться. Ты не такой, как другие, я вижу.

– Не могу, – Иван Иванович поплыл к берегу. – Рад бы, но нет.

– Был у меня друг, – грустно сказала чудовище. – Бомж Савелий. Он под кустом ночевал прошлым летом. Мы с ним беседовали. О жизни, любви и книгах. А потом он замерз. Насмерть. Я даже помочь не мог. Чувствовал, как ему хреново. Да разве сквозь лед пробьешься? С моими то лапами... Зима тогда выдалась жуть какая. Весь пруд льдом сковало, даже утки улетели, и моржи себе полынью не прорубили. А я в анабиоз впал. Недавно только отошел. Теперь вот... ночами на турнике подтягиваюсь. Просто, чтобы делать что-то.

Иван Иванович молчал. Он не знал, что сказать. Да и что тут скажешь? Что так бывает? Что жизнь, она всякая? Да и чувствовал он, чудовищу не нужны его сочувственные реплики.

Вдруг он понял, что нужно сделать.

– Слушай! – воскликнул Иван Иванович. – Очень далеко отсюда есть звезда, которой надоело жить. Она погасла. А я зажгу ее. Для тебя. Я умею. Ты будешь каждую ночь смотреть на нее, а она на тебя. И вы сможете разговаривать. Хочешь?

– Хочу, – шепнуло чудовище. – Ты правда умеешь?

– Я все умею, – рассмеялся Иван Иванович, – если захочу.

Он расправил крылья и взмыл в темное небо.

А немного позже...

Чудовище смотрело на яркую звезду и улыбалось, а звезда улыбалась чудовищу.

6

Иван Иванович постучал в дверь покосившегося одинокого дома. Дверь с протяжным всхлипом отворилась. Внутри было темно, сыро и запах склепа.

– Эй, – позвал Иван Иванович, – есть кто живой?

– Нет, – ответили из угла.

Иван Иванович попытался оглядеться, но глаза еще не привыкли к темноте. Тогда он достал зажигалку.

– Не смейте! – раздался испуганный крик. – Иначе...

- Хорошо, – согласился Иван Иванович, – не буду. А что иначе?
- Ничего хорошего, – пискнул некто.
- Так я не боюсь, – усмехнулся Иван Иванович.
- А я боюсь. Очень.
- Тогда зачем угрожать? – удивился Иван Иванович
- От страха.
- Хорошая логика.
- Какая есть, – огрызнулся голос
- Пойду я, пожалуй, – сказал Иван Иванович.
- Что? Вот так просто возьмете и уйдете? И ничего не украдете даже? Ни гвоздя?
- А что, должен? – спросил Иван Иванович.
- Нуууу... – замялся некто, – наверное, должны, иначе, зачем приходили?
- Да так... – ответил Иван Иванович, – хотел на ночлег попроситься. Путешествую я.

Иногда пешком, иногда на крыльях.

- Расскажите, как это.
- Приятно.
- Страшно, наверное, одному? – голос был полон тихого сочувствия.
- Иногда бывает, – кивнул Иван Иванович.
- Зажгите свет.

Иван Иванович щелкнул зажигалкой. По комнате заплясали тени. Бледный, почти призрачный человек отделился от стены.

- Здравствуйте, – прошелестел он.
- Здравствуйте.

Повисло неловкое молчание, во время которого Иван Иванович изучал комнату.

- У вас тут довольно мило, – соврал он.
- Отвратительно, не делайте вид, что вам нравится, – поморщился призрачный.
- Извините.

- Ничего... Так вы говорите, бывает страшно?
- Как и всем... Блять!

Ивану Ивановичу обожгло пальцы. Зажигалка нагрелась.

Призрачный метнулся в угол.

- Спички есть? Или свечи? – спросил Иван Иванович.
- Нет, – шепнул призрачный человек, – спички опасная вещь, а свечи только ректальные.

У меня аптечка хорошая.

Иван Иванович хотел пошутить насчет свечек, но передумал. Что-то подсказывало ему, призрачный не понимает шуток. Никаких.

- Хотите, на улицу выйдем? – предложил Иван Иванович. – Там хорошо, воздух свежий.
- Нет, – быстро ответил человек, – я боюсь. Я всего боюсь. Всегда. Я даже тени собственной боюсь, поэтому и нет ее у меня. Ушла. И зеркала в моем доме мутные. Потому что смотреть в них боюсь.

– Это пиздец какой—то, – Ивану Ивановичу стало грустно. – Нельзя так всю жизнь сидеть.

- Почему? – удивился призрачный. – Я сижу и ничего.
- Так в том то все и дело! Именно ничего, – сказал Иван Иванович, – это и есть страшное.
- Я же говорил, что всего боюсь.
- Так, может, стоит перестать? Взглянуть в зеркало? На улицу выйти?
- Страшно... Вдруг мне не понравится? Или на улице я ногу сломаю?
- Так у вас же аптечка хорошая, – Ивана Ивановича начал раздражать призрачный человек и его тихий грустный голос. – Впрочем, не хотите, как хотите. Пора мне. Прощайте.

– Осторожней там, в путешествиях, – шепнул вслед Ивану Ивановичу призрачный человек. – Делать людям нечего, мотаются непойми куда и зачем.

Он помолчал и добавил еще тише, так тихо, что сам еле расслышал:

– Совсем страх потеряли...

Иван Иванович шел по темной дороге и думал, что можно и полететь.

7

Это был странный дом. Иван Иванович пришел туда под вечер. На гвоздике у двери висела внушительная связка ключей. Хозяина не наблюдалось, хоть дом и не выглядел заброшенным. Иван Иванович толкнул дверь и вошел внутрь. Его встретил длинный и извилистый, как лабиринт, коридор. Ключи тихо позвякивали в руке. Иван Иванович пошел вперед. По бокам коридора попадались двери. Одни были старые, разохшиеся, с облупившейся краской, другие, с блестящими ручками, узорами и вензелями, некоторые солидные, железные, внушающие уверенность и уважение. Были легкомысленные, веселых расцветок, встречались мрачные, словно ведущие в сырые подвалы или камеры пыток. Ни одну из них Иван Иванович не испытал желания открыть. Он просто шел мимо. Вдруг он услышал шорох, и с потолка прямо перед ним свесил крупную голову серебристый змей.

– Ты пришел взглянуть?

Сверкнули изумрудные глаза, раздвоенный язык, дразня, показался из клыкастой пасти.

– Добрый вечер, – поздоровался Иван Иванович. – Вы здесь живете?

– Может быть, – ответил змей. – Или нет... Я не знаю...

– Странный дом, – сказал Иван Иванович.

– А у тебя есть дом? – поинтересовался змей.

– Нет. Я, наверное, к нему не готов.

– Поэтому ты взял ключи и не хочешь ими воспользоваться, – улыбнулся змей. – Дай руку, я спущусь.

Иван Иванович протянул руку, и змей обвился вокруг прохладным телом.

– Я мог бы укусить тебя или задушить, – сказал он, прищурив глаза. – Ты не боишься?

– Я сам могу, – усмехнулся Иван Иванович, – но не буду. И ты это знаешь.

Змей кивнул и положил голову на плечо Ивану Ивановичу.

Они продолжили путь вместе.

– Это бесконечность, – шептал на ухо змей. – Я ползал тут много дней, а может и лет...

Здесь каждый может отыскать свою дверь.

– Нашел? – спросил Иван Иванович.

– Когда найду, я почувствую, она меня позовет.

– И что будет за ней? – Иван Иванович погладил змеиную голову.

– То, что тебе необходимо, что действительно твое. Самое сокровенное и нужное.

Иван Иванович молчал.

– Я хочу жить и хранить, – тихо сказал змей, – правда, не знаю, как и что.

– Смотри, – вдруг остановился Иван Иванович, – я хочу открыть эту.

– Надо же, – протянул змей, – я ее раньше не замечал.

Дверь была простая, деревянная и почти сливалась со стеной, если бы не замок. Ржавый, большой и тяжелый.

Нужный ключ сам лег в руку.

– Ты должен идти один, – сказал змей, – это ведь только твоя дверь.

Иван Иванович кивнул и повернул ключ.

– Подожди, – окликнул его змей. – Я не знаю, куда ты выйдешь оттуда, но уже точно не в дом. Хочу попрощаться. И знаешь что... Я только сейчас понял, почему так и не нашел свою дверь. Я буду здесь жить. Жить и хранить этот дом, для всех, кто захочет прийти.

– Это хорошо, – улыбнулся Иван Иванович. – Прощай.

Внутри было просторно и пусто. Лишь в самом углу комнаты лежала небольшая коробка. Иван Иванович взял ее, положил в карман и вышел в ночь.

Пройдя немного по дороге, он оглянулся на дом. Достал коробку и открыл. В темное небо взлетела яркая звезда.

Иван Иванович шел и улыбался, звезда улыбалась в ответ. Путеводная.

8

Ворота гостеприимно распахнулись навстречу удивленному Ивану Ивановичу. Обычно приходилось стучать и подолгу ждать, когда откроют.

– Почет дорогому гостю! – у ворот толпились люди. Они кланялись в пояс. Вперед вышел бородатый толстый дядька, в руках он держал хлеб-соль.

Иван Иванович невольно оглянулся. Так его еще нигде не встречали. Убедившись, что за спиной никого нет, он пожал плечами и вежливо поздоровался.

– Что же вы застыли? – воскликнул бородатый. – Проходите скорее, мы вас со вчерашнего дня ожидаем.

– Вы меня с кем-то перепутали, – смутился Иван Иванович, но в ворота тем не менее прошел. Народ расступался почтительно.

– Никак нет! – сказал дядька. Он отщипнул кусочек хлеб-соли, сунул в рот и передал каравай в услужливые руки длинной, как жердь тетки. – В пророчестве ясно сказано... Минуточку...

Он полез в карман и вытащил засаленную тетрадку.

– Так-так, – бормотал он, – где оно? Ага, ага... Вот!

– Пришедший в новолунье избавит чудовище от опасности! – прочитал он по слогам.

Длинная тетка толкнула его в бок локтем.

– Тьфу! Перепутал! Избавит от чудовищной опасности!

Народ согласно загудел.

Иван Иванович огляделся. Высокий, в два человеческих роста забор, огораживал небольшую аккуратную деревеньку. Все дома были одинаковые. Даже цветы на подоконниках были одного цвета, размера и формы. Подстриженная ровная трава, разлинованные грядки. Признаков домашней скотины не наблюдалось. Никаких следов чудовищной опасности Иван Иванович не усмотрел.

– Ебанутые... – вздохнул обреченно Иван Иванович про себя.

– Мы не ебанутые, – донеслось из толпы, – нормальные мы, как все!

– Точно! – отозвался бородатый. – А чудовище в погребе. Мы его туда заманили, вот идите и разберитесь. Ибо сказано так! Сами посмотрите, ежели не верите!

Он ткнул тетрадь в лицо Ивану Ивановичу.

– Верю, – ответил Иван Иванович. – Где погреб?

– Так бы сразу, – проворчал дядька. – Пошли.

Иван Иванович спустился в сырой темный погреб.

– Эй, – позвал он шепотом, – кто тут будет чудовище?

– Я, – раздалось зловещее шипение. – Сейчас придет тебе пиздец!

Иван Иванович зажег спичку. В углу валяжно раскинулось мохнатое создание. Одной лапой оно чесало живот, другой держало здоровенный кусок кровяной колбасы. Иван Иванович вспомнил, что уже давно ничего не ел.

– Приятного аппетита, – пожелал он чудовищу.

– Спасибо! – ответил мохнатый учтиво и откусил кусок.

– Извините, – спросил Иван Иванович, делая шаг навстречу, – а вы кто?

– Я-то... – мохнатый энергично работал челюстями, – а хрен его знает. Тут лаборатория была недалеко. Экспериментальная. Чего-то разрабатывали. То ли оружие, то ли моющее средство. Я там родился и жил, а потом мне надоело, и я ушел. Предварительно взорвав ее к чертям. С тех пор скитался. Пока эти придурки меня не поймали в лесу. Пожрать хочешь?

Иван Иванович кивнул.

– Угощайся! – предложило чудовище, ломая колбасу об колено.

– Слушай, – поинтересовался Иван Иванович, утолив голод, – я одного понять не могу, зачем они тебя в погребе заперли? Чего испугались?

– Понимаешь, – ответил мохнатый, – они меня сразу на вилы поднять хотели, как увидели. Ибо отличаюсь я сильно. И еще хвост имею.

Он стыдливо потупился и помахал голым, как у крысы хвостом с гремучкой на конце.

– А по-моему, – заметил Иван Иванович, – очень мило. Ты на кота похож и на крысу немного.

– Да ебанутые они, – отмахнулось чудовище, – видал, одинаковые все, на морду лица и уклад жизни.

– Заметил, – согласился Иван Иванович.

– Так вот... – продолжал мохнатый, – я им сказал, ежели убьют меня, промеж скота ихнего мор начнется. Поверили.

– Чего-то я у них скота не заметил, – сказал Иван Иванович.

– Я же говорю, ебанутые, – хмыкнуло чудовище. – Нет у них скота. Сплошные огороды. А главный вообще на всю голову ударенный, пророчества сочиняет. По любому поводу.

– Да... – протянул Иван Иванович, – попал ты...

– Как хуй в суп, – хохотнул мохнатый. – Из погреба они меня не выпустят.

– Меня послали еще, – пробормотал Иван Иванович.

– Расслабься, – махнуло лапой чудовище, – посидим вместе, мож и придумаем чего. Еды здесь много, надолго хватит.

– Да не хотелось бы надолго, не люблю я этого.

– Тогда думать надо.

– Вот что, – сказал Иван Иванович, – притворись, будто помер, а я тебя вынесу.

– А дальше что?

– Пойдешь своей дорогой.

– Эх... – вздохнуло чудовище, – я бы пошел, да только куда? Люди кругом живут. Или в цирк сдуют, или в зоопарк, или, что еще хуже, в какую-нибудь лабораторию. Изучать.

– Есть у меня знакомый, – задумчиво проговорил Иван Иванович, – он в детстве мечтал ловить облака. Его считали за ненормального и отовсюду выгоняли. Теперь он живет на вершине самой высокой в мире горы. Там облака цепляются за вершину. Он их ловит, придает разные причудливые формы и отпускает лететь. Чтобы все радовались. Вот какой человек. Хочешь, к нему тебя отнесу?

– А он меня не прогонит? – засомневалось чудовище.

– Нет, – засмеялся Иван Иванович. – Он жаловался, что совсем не с кем поговорить.

Иван Иванович покидал деревню под восторженные крики жителей. На шее у него мохнатым воротником обернулось чудовище.

Через несколько дней, отдыхая в высокой траве и глядя в небо, Иван Иванович увидел облако. Оно остановилось над ним и послало воздушный поцелуй. Иван Иванович засмеялся и подмигнул.

Иван Иванович уже несколько дней чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Сначала он пытался выяснить, кто это, но потом решил не тратить времени зря. Рано или поздно наблюдавший себя проявит. Поэтому он спокойно продолжал свой путь.

На землю опускались сумерки. Иван Иванович устроился на ночлег в высокой траве. Он смотрел на зарождающийся месяц и курил, улыбаясь. Рядом послышался шорох.

– Кто здесь? – Иван Иванович приподнялся на локте. – Выходи, я не опасный.

Ответа не было.

Он сел и огляделся. В траве сверкнуло нечто, похожее на два фонаря. Иван Иванович сделал приглашающий жест рукой. Фонари моргнули и погасли синхронно.

– Вот беда, – вздохнул Иван Иванович, – совсем одичал народ. Собственной тени боится. Говорю, не причину вреда.

Фонари снова зажглись и стали осторожно приближаться. Удивительно, но звуков шагов Иван Иванович не услышал. То, что он сперва принял за фонари, оказалось глазами. Желтыми, с узкими зрачками, как кошачьи.

– А где остальное? – спросил Иван Иванович.

Глаза остановились и заморгали.

– Понял, – сказал Иван Иванович, – остальное подойдет позже.

Один глаз подмигнул.

– Или нет... – Иван Иванович подмигнул в ответ. – Это вы за мной следили?

Зрачки расширились.

– Дааа... – протянул Иван Иванович, – грустно...

Из глаз покатались крупные слезы. Прозрачные, словно утренняя роса.

– Давным давно, – тихо сказал Иван Иванович, – ветер принес мне историю о старом смотрителе маяка. Рассказать?

Глаза согласно сверкнули.

– На берегу седого океана, за много километров отсюда старый смотритель каждый день зажигал на маяке огонь. У него была счастливая жизнь, у маяка тоже. Но однажды смотритель не пришел как обычно вдохнуть жизнь в маяк. Потому что умер. Ничто не вечно. А маяк больше не зажегся. Превратился в темную одинокую башню. И никто больше не освещает путь заблудившимся рыбацким лодкам.

Глаза внимательно смотрели на Ивана Ивановича.

– Хотите, я отведу вас? – спросил Иван Иванович. – Мне кажется, маяку вы очень нужны, а он вам.

Глаза закрылись. Иван Иванович ждал. Долго. Он знал, как нелегко даются важные решения. Наконец глаза снова открылись и засияли теплым светом. Иван Иванович расправил крылья. Глаза взметнулись в небо, словно звезды.

В небольшой рыбацкой деревушке, далеко-далеко, маленькая девочка, стоя у окна, смотрела на сверкающий огонь старого маяка и улыбалась счастливо. Она больше не боялась темноты.

Иван Иванович летел над океаном, соленые брызги касались крыльев.

10

– Слушай, – насторожился волк, – там впереди кто-то есть.

Иван Иванович, не замедляя шага, бросил через плечо:

– Впереди всегда кто-то есть. Привыкнешь.

Вокруг стремительно темнело. Волк нервничал. Он останавливался, нюхал сумерки, напряженно вглядываясь вдаль и прислушиваясь к каждому шороху.

– Подожди, – волк глухо заворчал, – сбегаю, проверю.

– Ладно, – сказал Иван Иванович, – я пока костер разведу. А то холодает, да и устал я. Волк исчез за деревьями.

Иван Иванович согрелся. Он с наслаждением вытянулся у огня и закрыл глаза. Волк не возвращался. Наверное, кого-то нашел, улыбнулся про себя Иван Иванович, проваливаясь в сон.

Проснувшись, он увидел догоревший костер и волка, свернувшегося клубком неподалеку.

– Пойдем? – спросил Иван Иванович.

– А почему ты не спрашиваешь, где я был? – волк потянулся и зевнул, стряхивая сон.

– Хочешь рассказать?

– Нет, – ответил волк, – не хочу.

Иван Иванович засмеялся и пошел вперед. Волк медленно шел за ним и задумчиво молчал.

Лес заканчивался. Иван Иванович слышал отдаленный шум города.

– Я не могу, – тихо сказал волк и остановился, – не могу дальше с тобой.

– Жаль, – обернулся Иван Иванович.

– И мне, – вздохнул волк. – Я встретил ее. Этой ночью. Когда проверять бегал. Ее глаза светились в темноте зеленым огнем. Укусить пыталась. Она злая и недоверчивая. Волчица. Нам было хорошо вдвоем.

– Почему тогда ты ушел? – спросил Иван Иванович.

– А как же ты? – удивился волк. – Разве я тебе не нужен?

Иван Иванович промолчал.

– Извини, – сказал волк, – я понимаю... Просто боюсь, что это неправильный выбор.

– Неизвестное пугает, – улыбнулся Иван Иванович. —К тому же, я соскучился по полям. Так и крыльям недолго отсохнуть.

– Ну да, – кивнул волк, – а я высоты боюсь.

– Увидимся, – Иван Иванович погладил волка и расправил затекшие крылья.

– Если я когда-нибудь захочу снова идти с тобой, ты не прогонишь? – спросил волк.

– Ты знаешь, что нет.

Волк постоял немного, глядя, как крылья уносят Ивана Ивановича к новому городу, потом встряхнулся и побежал в лес. Ему было легко и немного грустно.

Иван Иванович летел навстречу неизвестному и почти не боялся. Привык.

11

Иван Иванович шел по степи, увлекаемый шаловливым перекасти-поле. Изредка попадались низенькие деревья и одинокие, меланхолично жующие коровы. Иван Иванович присел на жесткую сухую траву и закурил, глядя на собирающиеся у горизонта облака.

– Будет гроза, – донеслось из-за дерева.

– Может быть, – ответил Иван Иванович.

– Угостите сигареткой пожалуйста, – попросил голос.

– Пожалуйста, – Иван Иванович достал из кармана пачку.

– Бросьте поближе. А то я выходить стесняюсь.

– Да ладно вам, – сказал Иван Иванович, – я разное видал.

– А вы в меня камнями бросаться не будете? Или еще чем похуже?

– Коровьей лепешкой? – поинтересовался Иван Иванович. – Не буду.

– Это хорошо.

Из-за дерева показались длинные острые рога, затем осторожно вылез их обладатель. Обычный мужик, только слегка заросший.

– Ну и чего тут стесняться? – спросил Иван Иванович. – Рога как рога. Вы женаты?

– Издеваетесь... – горько произнес мужик, – да кто ж за меня пойдет?

– Рога женьтбе не помеха, – усмехнулся Иван Иванович.

– Если бы к рогам имелся хвост или копыта, сошел бы за черта и жил в морских глубинах с себе подобными. А так что? Ни то ни сё. Везде чужой... И никак от них, поганых, не избавиться, никак! Отпилишь, наутро снова вырастают. Удавиться впору...

– Не надо давиться, – успокоил мужика Иван Иванович. – Раз есть рога, значит они нужны. Ничего просто так не бывает. У меня, например, крылья. Тоже, знаете ли, не совсем обычная вещь. И на спине не поспишь, зато если устали ноги, можно лететь.

– В принципе, – задумался мужик, закуривая сигарету, – рога как средство самообороны можно использовать. Если что, могу ими к стенке припереть. Живет тут на краю села девица одинокая, я у нее иногда кур ворую, с голоду чтобы не помереть, да и приятная она. Ноги сами ведут. Может, посвататься?

– Главное рогами ее сразу к стене не приперайте, – посоветовал Иван Иванович, – пусть сперва привыкнет.

– Что вы! – обиделся мужик. – Рогами только если чужой кто с нехорошим намереньем полезет. Спасибо вам за совет. Можно я в дорожку сигаретку еще возьму? До села путь не близкий.

– Не вопрос, – улыбнулся Иван Иванович. – Желаю удачи.

Мужик заложил сигарету за ухо и размашистой рысью побежал по степи.

– Как вас зовут? – крикнул ему вслед Иван Иванович. – А то неудобно, не познакомились.

– Народ Чубакаброй кличет, – через плечо кинул мужик, – а так я Федор Петрович.

– Приятно познакомиться.

Иван Иванович, устремился в самое сердце грозовой тучи.

Федор Петрович Чубакабра торопливо рвал в степи маки. Он надеялся, дождь не застанет его в пути.

Иван Иванович уговорил молнию не ударять в одиноко бегущий объект.

12

Иван Иванович остановился отдохнуть на берегу живописно заросшего кувшинками болотца. Вокруг было умиротворяюще тихо, лишь иногда сочный квак старой жабы или трепетание стрекозиных крыльев нарушали болотистый покой. Иван Иванович от нечего делать гадал на ромашке. Любит, не любит...

– Тихо ты! – услышал он скрипучий голос с кочки неподалеку. – Не любит! И не полюбит никогда...

Приглядевшись, Иван Иванович различил скукоженную фигуру болотного хмыря. В одной лапе хмырь держал сачок, другой почесывал пятку. Рожа его до глаз заросла похожей на мох бородой, череп же был абсолютно лыс и поблескивал в закатных лучах.

– Почему вы так решили? – поинтересовался Иван Иванович. – Разве меня нельзя полюбить?

– Насчет тебя не знаю, – проворчал хмырь, – а вот меня точно не полюбит.

– Значит, найдете ту, которая полюбит, – беспечно сказал Иван Иванович.

– А мне не надо, – насупился хмырь. – Мне достаточно, что каждое утро я срываю для нее свежие кувшинки и ловлю самых красивых стрекоз. Она смеется, плетет венки и отпускает стрекоз на волю. А я, затаившись в камышах, сижу, и мне хорошо. Просто от того, что она смеется... Знаешь, какой у нее смех? Как первый подснежник, как летящий пух одуванчика. А хвост! Каждая чешуйка ярче блеска солнечного луча в капле росы. Эх... А...

Хмырь встал во весь свой небольшой рост и пригладил бороду. В изумрудных глазах сверкнули слезы.

– Нормальный мужик, я считаю, – пожал плечами Иван Иванович.

– Не пара я ей, – вздохнул хмырь. – Она самая красивая русалка на свете, ну как я ей о своих чувствах скажу? Ей, небось, морского царя подавай. На смех только поднимет...

– А вы пробовали? – спросил Иван Иванович.

– Ты что! – замахал на него хмырь. – Я заговорить с ней боюсь. Каждый раз, как вижу, язык отсыхает начисто. Да и не замечает она меня. Маскироваться хорошо умею.

– Слишком много вы за нее думаете, – сказал Иван Иванович. – А она тем временем, может, от любопытства изнывает. Кто дарит каждое утро цветы и стрекоз?

– Да ладно... – недоверчиво склонил голову хмырь.

– Будете дальше маскироваться, так и не узнаете.

– А была, не была! – воскликнул после недолгого раздумья хмырь. – Пойду прямо сейчас и все как на духу выложу! Только хлебу для храбрости. У тебя, кстати нет? Чего-нибудь покрепче...

– Есть, – Иван Иванович протянул хмырю фляжку, – только не увлекайся, иначе все дело испортишь.

– Ага, ага, – Хмырь присосался к фляжке, потом пригладил лысину и нырнул в болото.

Иван Иванович догадал на ромашке, вышло, что любит. Потом поднялся и пошел вперед, к горизонту.

На берегу прозрачной речки, любуясь звездами, сидели болотный хмырь и самая прекрасная на свете русалка. В лунном свете переливались серебром чешуйки хвоста и сверкала, словно отполированная, лысина. Стрекотали цикады.

13

Иван Иванович шел вдоль стоящих рядами деревянных заброшенных домов и думал о сиюминутной реальности всего сущего.

В одном из ветхих окон мелькнул свет.

– Любопытно, – пробормотал Иван Иванович. – Если допустить, что реально лишь то, что я вижу и сознаю, что вижу, то эта реальность ни для кого, кроме меня не существует. Или для зажегшего свет в окне реален лишь мир, освещенный внутри этого самого окна, а меня и всего остального нет.

– Хреновый из тебя философ, – вторгся в запутавшиеся мысли звонкий детский голос.

Иван Иванович остановился и огляделся по сторонам. Из—за щербатого забора высунулась вихрастая рыжая голова мальчишки лет десяти. Он показал Ивану Ивановичу неприличный жест и засмеялся, обнажая редкие неровные хищные зубы.

– Здравствуй, Атом, – поприветствовал его Иван Иванович.

– Адам, – поморщился пацан. – Ударение на первую букву, сколько можно повторять.

– Я слышал, ты уже давно того... В ледяных лабиринтах отдыхаешь.

– Доска почета меня никогда не привлекала, – ухмыльнулся Адам. – Равно как и Великий Понт.

– Великий Понт? – заинтересовался Иван Иванович, прикуривая найденный в кармане джойнт. – Это типа Великой Нереальной Реальности что ли?

– Это типа твоей фляжки в кармане, косяка недобитого и крылышек за спиной, – ответил Адам.

– Понял, – кивнул Иван Иванович. – Хотя странно слышать подобное от человека, с похмельных глаз сровнявшего с землей парочку подконтрольных миров.

– Всего лишь вежа в постижении природы Великого Понта, – пожал плечами ничуть не смутившийся Адам. – Где твои манеры, Ваня?

– Извини, – Иван Иванович протянул джойнт пацану. – Просто последний раз, когда мы виделись, убеленный сединами дедушка рассказывал о Внутренней Свободе. У меня небольшой когнитивный диссонанс.

– Дедушке можно, а мальчику нельзя? – Адам глубоко затынулся, его рыжие брови взлетели на веснушчатый лоб.

– Дедушку слушаешь из уважения к сединам и опыту, а мальчишку хочется щелкнуть по носу, утереть сопли и дать конфету.

Иван Иванович сел по-турецки на прохладную апрельскую землю и скрутил фляжке крышку.

– Великий Понт, – понимающе кивнул Адам. – Думаешь, послушал дедушку и обрел эту самую Внутреннюю Свободу? Как там у вас? Спать, где придется, пить, что найдется. Могу иметь, но не владеть. Что еще?

– Не важно быть, умеи прослыть, – подсказал Иван Иванович.

– Не в тему, но пойдет, – согласился пацан. – Вань, неужели ты думаешь, что можешь оставить после себя что-либо? Да любого обывателя будут помнить дольше, чем тебя! Черда потомков будет стирать с его фотографии пыль и вспоминать, каким он был. Вернее, каким не был. Он станет легендой. А ты никогда.

– Так мне и не надо.

– Дело не в том, надо тебе или не надо, – вздохнул Адам. – Ты, я, обыватель этот, родственники его, рамочка, пыль и фотография – одни и те же стороны Великого Понта. И за его рамки не выйти. Ни Мученику, ни Путешественнику, ни Страдальцу, ни Человеку, никому.

Иван Иванович почувствовал, как за спиной возмутились крылья.

– Поэтому ты спрятался в собственном детстве, Атом? Если сейчас из дверей любого дома появятся твои любящие родители, я не удивлюсь. Ведь ты был их Великим Понтом.

– Адам, – устало бросил рыжий. – С ударением на первую букву. Не делай вид, будто не можешь запомнить.

– Всего лишь набор букв в случайном порядке, – усмехнулся Иван Иванович, расправляя крылья. – Такое же, как Великий Понт.

– Я забыл, насколько мало ты еще живешь на свете, Ваня.

– А я помню, – ответил Иван Иванович. – И не хочу забывать.

– Мальчишка... – пробормотал вслед улетающему Ивану Ивановичу Адам.

– На себя посмотри, – салютнул из облаков Иван Иванович.

Сиюминутная реальность всего сущего улыбалась нежно.

14

Иван Иванович сидел на обочине дороги и сплетал между собой острые стебли высокой травы, в изобилии росшей вокруг.

– Какая необычная техника, – похвалил кто-то.

Иван Иванович оторвался от работы и с любопытством взглянул на говорившего. Перед ним стоял невысокий бородач в бомжеватом с чужого плеча пальто и улыбкой на лице. В стеклах его круглых очков отражался ускользящий день.

– Вы первый человек, который не спросил, что это я делаю и не заявил, что лапти ТАК не плетут.

– Странные люди, – пожал плечами бородач. – Плетет лапти и плетет, как хочет, никому не мешает. Чего тут непонятного?

– Вот и я о том же, – кивнул Иван Иванович, доставая фляжку.

– Согласен, – бородач пошарил в карманах пальто, извлек на свет солидную бутылку с мутным содержимым и два складных пластмассовых стаканчика. —Обменяемся мнениями?

– Пожалуй, – плеснул в один стакан из фляжки Иван Иванович.

Бородач сделал то же самое.

– Твою мать! – закашлялся Иван Иванович. – На вкус как электрический разряд.

– Хммм, – бородач одним махом осушил стакан. – Настойка подорожника? Не слишком крепкая, но освежает.

Иван Иванович скрутил джойнт и некоторое время они с бородачом молча курили.

– Значит это и есть загробная жизнь? – нарушил молчание бородач.

– Курить и выпивать на дорожной обочине с незнакомыми людьми? – уточнил Иван Иванович.

– Не совсем... То есть... – замялся бородач. – Знаете, я ходил по канату. В цирке работал бродячем. Поспорил с приятелем, что смогу пройти по высоковольтному проводу в дождь, без зонтика и страховки, задевая головой тучи. Почти прошел.

– Провод оборвался? – спросил Иван Иванович.

– Молнией ёбнуло, – вздохнул бородач. – Надо было зонтик брать. И раз я здесь, получается, это загробный мир.

– Знаете, – Иван Иванович выпустил в небо дымное кольцо, – я нигде дольше чем на один день не задерживаюсь, поэтому мне сложно сказать, что это за мир. Иногда кажется, что мир всего один, который сейчас, а иногда, что их много, и я каждый раз, просыпаясь, оказываюсь в новом.

– То есть, уверенности нет? – мрачно спросил бородач.

– Почему нет? Например, мы с вами уверены, что я плету лапти. Вот они и получились. Смотрите.

– Удобные, наверное, – оценил бородач. – Так и зовут в дорогу.

– В чем же дело? – улыбнулся Иван Иванович. – Вперед.

– Вот так просто? – недоверчиво прищурился бородач.

– Ага, – кивнул Иван Иванович.

Бородач примерил лапти, попрыгал на одном месте, прошелся туда-сюда, постоял в раздумьях и разлил на посошок.

Они выпили, и бородач, салютнув на прощанье бутылкой, удалился в закат.

– Путешественника ведет дорога, – проводил его взглядом Иван Иванович.

Крылья настойчиво звали в полет. Иван Иванович не возражал.

15

Иван Иванович услышал, как из-за дощатого косенького забора его кто-то зовет:

– Эй, мужик! Хочешь черта покажу?

– Давай, – согласился Иван Иванович.

– Заходи!

Скрипнула калитка, из-за нее показалась недельной небритости помятая рожа. Она улыбалась и манила рукой.

– Ясно... – вздохнул Иван Иванович. – Черт один или несколько? Какого цвета? Зеленого классического?

– Неее, – ответил мужик, – все по честному. В бане он у меня сидит. Сто рублей плати и ходи смотреть, как в зоосаде.

– Извини, – Иван Иванович пошарил в карманах, – нет у меня столько.

Мужик поскущнел.

– Давай уж сколько есть, трубы с утра горят.

Иван Иванович ссыпал в протянутую ладонь горсть мелочи и отправился в баню.

В бане было жарко натоплено. Но никакого черта Иван Иванович там не увидел.

– Белку словил, несчастный, – подумал Иван Иванович, собираясь выходить.

– Эй, мужик! Извини, совсем забыл! Иди к черту! – крикнул обладатель помятой рожи.

– Идиотина... – беззлобно выругался Иван Иванович, и вдруг увидел возникшего непонятно откуда черта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.